

НБ ИГУ

5249 (24,2)рф

51(57-2)(062)

Л. М. Машин

ИЗВѢСТІЯ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго
Географическаго общества,

подъ редакціею Н. П. Левина.

ТОМЪ XXIV.
№ 2.

СОДЕРЖАНІЕ:

(SOMMAIRE)

	Стр.		Стр.
1) А. Кузнецовъ. Археологическія изысканія въ Ю. В. части Забайкалія летомъ 1892 г.	1—13	La femme dans la littérature religieuse bouddhiste par Mr. G. Podgorbounsky.	
Recherches archéologiques au S—E des régions du Transbaikalie pendant l'été 1892 par Mr. A. Kouznetzow.		Смесь: I. Шлегель.—Вопросы географіи Пер. съ франц.:	
2) Г. Потанинъ. Крестообразныя фигуры на шаманскихъ бубнахъ и песенникахъ	13—20	1—Страна тигурованныхъ	38—40
Images en forme de croix sur les tambours des chamans par Mr. G. Potanin.		2—Страна женщинъ	40—48
3) Ив. Подгорбунскій. Возрѣнія буддѣйской священнои литературы на женщину	21—37	И. В. Стрешневскій.—Изученіе пѣсни и пѣнны	48—53
		И. Г. Потанинъ.—Сибирскій почтовый трактъ въ Монголіи	56—63
		IV. В. Кашваровъ.—Почтовый Кяхтинско-Калганскій трактъ чрезъ Сайры-узу (переломъ станцій)	64
		Дѣятельность Восточно-Сибирскаго отдѣла. Протоколъ всеобщей сессіи статистическаго общества 1891—1892 г.	65—81

г. Иркутскъ

Типографія К. Г. Витковской.

1893

5249(24,2)

№

ИЗВЕЩАНИЕ

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО

ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАНО ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

ТОМЪ XXIV

1892

Печатано по распоряженію Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

1-10	Содержание	1-10	Содержание
11-15	1. Восточная Сибирь	11-15	1. Восточная Сибирь
16-20	2. Забайкалье	16-20	2. Забайкалье
21-25	3. Маньчжурия	21-25	3. Маньчжурия
26-30	4. Монголия	26-30	4. Монголия
31-35	5. Тибет	31-35	5. Тибет
36-40	6. Китай	36-40	6. Китай
41-45	7. Япония	41-45	7. Япония
46-50	8. Корея	46-50	8. Корея
51-55	9. Филиппины	51-55	9. Филиппины
56-60	10. Индонезия	56-60	10. Индонезия
61-65	11. Австралия	61-65	11. Австралия
66-70	12. Новая Зеландия	66-70	12. Новая Зеландия
71-75	13. Южная Америка	71-75	13. Южная Америка
76-80	14. Африка	76-80	14. Африка
81-85	15. Азия	81-85	15. Азия
86-90	16. Европа	86-90	16. Европа
91-95	17. Северная Америка	91-95	17. Северная Америка
96-100	18. Антарктида	96-100	18. Антарктида

Археологическія изысканія въ Ю. В. части Забайкалья лѣтомъ 1892 года.

Лѣтомъ 1892 г. я производилъ изслѣдованія преимущественно съ археологической цѣлью у озера Бальзина и въ его окрестностяхъ, по низовьямъ р. Или, нѣкоторымъ ея притокамъ въ юго-западной части Агинской степи и по р. Онону отъ станицы Чинданта 1 вверхъ до границы. Все найденное и осмотрѣнное мною изложу въ видѣ краткаго перечня.

I.

Озеро Бальзино и его окрестности.

У селенія Бальзина и у озера Бальзина найдены 2 стоянки людей каменнаго періода; въ 15 в. на С. отъ озера Бальзина, на стрѣлкѣ р. Подушки, при впаденіи въ Бурбутай—притокъ р. Туры, по дорогѣ въ Агинскую Думу, также стоянка людей каменнаго періода. Въ 4-хъ в. на Ю.-В. отъ деревни Бальзиной, на равнинѣ у Ю.-В. части озера Бальзина—группа изъ 73 маяковъ съ болѣе или менѣе уцѣлѣвшими плитами *); на Ю.-З. въ 1/2 в. отъ озера группа изъ 10 маяковъ; на С.-В., въ 5 в. отъ озера, въ Каменишникѣ—группа изъ 10 маяковъ; на В., въ 5-ти верстахъ отъ озера, въ Кырькѣ—группа маяковъ среди «ерника». Въ первой группѣ, гдѣ у одного изъ «маяковъ» я нашелъ сторожевой камень, грубо обдѣланный на подобіе «бабы» **), съ высѣченными знаками на лѣвой плоской боковой поверхности, произведена тщательная раскопка 2-хъ «маяковъ».

*) Эти маяки видѣлъ Мессершмидтъ 28 октября 1724 г. (Радловъ. Сибирскія древности т. I прилож. стр. 19). Палласъ 16 мая 1772 г. («Путешествіе» часть III, стр. 269). Поповъ въ 1876 г. видѣлъ до 100 маяковъ и дѣлалъ раскопки (Извѣстія Сибирскаго Отдѣла 1877 года Т. VIII № 3—4 стр. 117).

**) Перевезенъ мною въ Нерчинскій музей, какъ и другіе камни, съ разрѣшенія Его Высокопревосходительства г. Генераль-Губрнатора.

При раскопках найдены: черепки глиняной посуды, разложившіяся
человѣческія кости, желѣзные перержавшіе предметы; въ угляхъ—
золотая спираль, вѣсомъ 2 грамма, очевидно такая-же, (но большаго
вѣса), какая найдена г. Давыдовымъ при раскопкѣ иного устрой-
ства могилы по р. Удѣ Верхнеудинскаго округа (Записки Сибирскаго
Отдѣла 1856 г. книга II, стр. 95). Здѣсь-же записаны: легенда
объ озерѣ и потошленной въ немъ Бальджѣ, о богатырѣ-охотникѣ,
«маякахъ», наговоры и способы леченія «громовыми стрѣлами».

Въ 4—5 в. на лѣвомъ берегу рѣки Кусочи, по дорогѣ на
Джармагатайскій прійскъ—группа маяковъ. Въ 4-хъ в. на С отъ
деревни Кусочи, въ сторону Бальзинскаго озера, у высыхающаго
постепенно озера Сункурукъ—группа маяковъ. Около Кусочи и ря-
домъ стоящаго поселенія Красноярова найдены каменные наконеч-
ники стрѣлъ, песты, продыравленные камни, жернова, чугунные
«башмаки» и т. д.

Низовья рѣки Или и ея окрестности.

Въ окрестностяхъ деревни Ключи найдены каменные наконечники стрѣлъ, продыравленные камни, пестикъ, ножъ и другія орудія каменнаго вѣка, чугунные «башмаки» и т. д. У деревни Или—стоянка людей каменнаго періода. Въ 17 в. на З. отъ деревни Или имѣется интересная гора Алканай, на вершинѣ которой—гребневидный сланцевый выступъ съ сквознымъ отверстіемъ, передняя отвѣсная сторона гребня покрыта древними письменами; подъ аркой отверстія поставленъ каменный буддійскій памятникъ; буряты изъ отдаленныхъ мѣстъ ѣздятъ сюда на поклоненіе; при болѣзняхъ у скота прогоняютъ стада вокругъ памятника подъ аркой.

Въ той-же мѣстности, въ доли Убжогай, въ 10 в. отъ деревни Или, на правой сторонѣ отъ дороги, идущей на гору Алканай, стоитъ гранитная прямоугольная плита съ выпукло высѣченными съ двухъ сторонъ письменами: на одной—«ом-маня-бал-мы-хумъ», очевидно

подновленная или высѣченная взамѣнъ древней надписи; на другой — древнія письма, сильно пострадавшія отъ времени *).

Въ 13 в. отъ дер. Или и въ 3-хъ в. на 3. отъ предыдущей плиты, на хребтѣ Цаганъ-Дабанъ стоитъ гранитная прямоугольная плита съ выпукло высѣченными съ двухъ сторонъ письменами, какъ и на предыдущей **).

Въ 25 в. къ Ю. отъ деревни Или, въ вершинѣ рѣки Дуль-Дурги, при устьѣ р. Тентея стоитъ такая-же плита съ письменами, какъ и предыдущая. Въ 3 1/2 в. отъ селенія Или, у дороги въ Дуль-Дургу — группа маяковъ. Въ селеніи Дуль-Дургъ, у Д. П. Ковалева дворъ вымощенъ 67 огромными плитами, перевезенными за 45 в. съ «маяковъ» Бальзинскаго озера. За огородами селенія Дуль-Дурги есть признаки 1 большаго маяка. Въ 2-хъ в. отъ селенія Дуль-Дурги 2 пещеры, изъ которыхъ одна была несомнѣнно обитаема. Въ 7 в. отъ селенія Дуль-Дурги, нѣсколько въ сторону, на право отъ дороги въ Усть-Илю, на устьѣ подушки Талыча, на возвышенности, въ 1 1/2 в. отъ р. Или, у группы «маяковъ» 2 столбообразныхъ плиты съ выпукло высѣченными письменами. На С.-В. отъ группы «маяковъ», на краю крутаго спуска стоитъ гранитный, неправильно высѣченный камень, издали кажущійся птицею, на одной болѣе плоской восточной сторонѣ съ очень вывѣтрившимися, едва замѣтными письменами; другая плита, въ видѣ столбика, прекрасно вытесанная изъ сланца, покрыта письменами и знаками со всѣхъ четырехъ сторонъ ***). Далѣе маяки отъ селенія Дуль-Дурги въ 7 1/2 в., въ 8 в., въ 13 в., въ 14 в. и 15 в.; у группы на 14-й в. у одного изъ трехъ маяковъ сторожевой камень, закругленный наверху, одна изъ сторонъ плоская, другая выпуклая, тщательно отшлифованная.

*) Плита перевезена въ Нерчинскій музей.

***) Плита перевезена въ Нерчинскій музей.

****) Обѣ плиты перевезены въ Нерчинскій музей.

Южная часть Агинской степи.

Южную часть Агинской степи до Ононских карауловъ и пересѣкъ отъ деревни Или въ 25 в., на В. отъ послѣдней. Въ мѣстности Таптаны, по которой протекаетъ рѣчка того-же имени, впадающая съ лѣвой стороны въ р. Илю, стоитъ почти прямоугольная сланцевая плита, съ выпукло высѣченными на одной сторонѣ письменами — «ом-мани-бад-мы-хом». (Перевезена мною). Въ 10—12 в. отъ Таптаны, въ пади Дзунъ-Укцахай, съ лѣвой стороны дороги, стоитъ гранитная прямоугольная плита, съ выпукло высѣченными съ одной стороны письменами, настолько вывѣтрившимися, что они едва замѣтны. Верстахъ въ 8—10 отъ предыдущаго памятника, по той-же пади, съ лѣвой стороны дороги стоитъ прямоугольная гранитная плита, съ выпукло высѣченными съ одной стороны письменами, которыя сохранились довольно хорошо; первая строка имѣетъ особое значеніе, слѣдующія четыре — повтореніе «ом-мани-бад-мы-хом». Въ той-же пади, кажется, есть еще плита съ письменами, но мой возница-буряты, заявлявшій, что не понимаетъ по-русски, отказался указать ее. При переездѣ въ падь Зуткулей, съ лѣвой стороны, на возвышенной стрѣлкѣ (бичурь), образуемой этой падю и падю Могойтуй, среди группы маяковъ, въ очень прочной оградѣ стоитъ гранитная прямоугольная плита съ выпукло высѣченными съ двухъ сторонъ письменами того-же изрѣченія. Вокругъ памятника, въ гладкой почвѣ инкрустированы бѣлыми голышами огромныя буквы, очертаніе которыхъ я не могъ уловить. На лѣвой сторонѣ пади Зуткулей, на совершенно гладкомъ мѣстѣ, въ 2—3 в. на Ю.-В. отъ предыдущей плиты, которую отсюда видно, стоитъ гранитная прямоугольная плита, съ выпукло высѣченными съ одной стороны письменами, первая строка которыхъ имѣетъ особое значеніе, а на каждой изъ слѣдующихъ 3-хъ строкъ изрѣченіе ом-мани высѣчено по 2 раза. Въ 8—10 верстахъ отъ предыдущаго памятника, въ той-же пади, по правую сторону до-

роги, идущей изъ поселка Тухталтуевского въ Агинскую Степную Думу, въ виду Тухчинскаго дацана и приононскихъ горъ, среди группы маяковъ, стоитъ гранитная прямоугольная плита съ выпукло высѣченными съ одной стороны письменами съ тѣмъ-же изреченіемъ.

По пади Зуткулей очень много небольшихъ кольцеобразныхъ возвышеній, съ незначительнымъ воронкообразнымъ углубленіемъ внутри. Сдѣлать раскопки этихъ остатковъ древняго поселенія не было возможности, такъ какъ никто здѣсь не говорилъ по русски и всѣ дѣлали видъ, что не понимаютъ меня. Въ этой интересной части Агинской степи, которую, кажется, никто не посѣщаетъ даже по обязанностямъ службы, я провелъ двое сутокъ и, не смотря на всѣ старанія, мнѣ не удалось вывезти ни одной плиты, добыть ни одного предмета по археологiи. Здѣсь плиты съ письменами буряты почитаютъ, ломаютъ отъ нихъ кусочки для амулетовъ, а ихъ ламы стараются доказать, что плиты принадлежатъ бурятамъ съ незапамятныхъ временъ.

На лѣвой сторонѣ Онона, по зимнему тракту изъ Кубухаевского поселка въ Дулургуевскую станицу (которые на правой сторонѣ р. Онона), по обѣ стороны — «маяки». На той-же сторонѣ р. Онона, между падами Ульбой и Судунгумъ, въ 20 в. на Ю.-В. отъ Кубухая стоитъ гранитная прямоугольная плита съ выпукло высѣченными на одной сторонѣ письменами того-же изреченія^{*)}.

IV.

Рѣка Ононъ отъ станицы Чиндантской 1-й до монгольской границы.

На С.-В. отъ Чинданта 1-го группы «маяковъ», которые до Усть Или называютъ «дворами», а отъ Усть-Или до границы и за границей «куцонами» (торчашіе камни), при разспросахъ, слово «маякъ» здѣсь даже не понимаютъ. На С.-В. и З. отъ Чинданта — песчаные выдувы, называемые «булдурунами» съ слѣдами стоянки людей каменнаго періода. Въ булдурунахъ попадаются разрушив-

^{*)} Плита перевезена въ Нерчинскій музей черезъ Кубухаевскій поселокъ.

шіяся колоды, въ которыхъ были погребены люди; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ очевидно были погребены христіане; ужь не тѣ-ли это плѣнные русскіе, которые были приведены въ 1225 г. послѣ битвы на р. Калкѣ къ Чингисъ-Хану, жившему, по сказаніямъ исторіи, на р. Ононѣ, въ домикѣ, сложенномъ изъ китайскихъ изразцовъ, слѣдовъ котораго нигдѣ до сихъ поръ найти не удалось? Между Чиндантомъ 1-мъ и селеніемъ Икаральскимъ находятся слѣды стоянки людей каменнаго вѣка. Между Харганинскимъ, Цасучеемъ и Горнымъ (въ 3-хъ в. другъ отъ друга) и къ 3. отъ послѣдняго, въ «булду-рунахъ» — 2 стоянки людей каменнаго періода, гдѣ найденъ между прочимъ крошечный каменный (изъ халцедона) идолъ съ рѣзьбой, служившій, быть можетъ, амулетомъ.

Мѣстность между Цасучеевскимъ поселкомъ и Кубухаевскимъ представляетъ большой интересъ по легендарнымъ разсказамъ, связаннымъ съ именемъ Чингисъ-Хана: Делюнъ (выступъ) въ 5 в. на 3. отъ Цасучея; Делюнъ болдокъ (выступъ селезенка) въ 5 в. на В. отъ Кубухая, предполагаемое мѣсто рожденія Чингисъ-Хана (а не у Цасучея, какъ указывалъ Н. П. Юрѣвскій. Записки Сибирскаго Отдѣла 1856 г., кн. II, смѣсь, стр. 4); между двумя Делюнами (15 в.) скалистый берегъ Рыдыргунъ (назадъ вернулася), съ котораго стрѣляли непріатели въ Чингисъ-Хана, гдѣ найдены чугунные «башмаки» и ранѣ нѣсколько другихъ предметовъ; противъ Гыдыргуна стоятъ два окаменѣвшихъ богатыря: Батуръ-Яке — богатырь большой и направо Батуръ-Бага — богатырь малый; направо лѣсокъ Цырыкъ (войско), далѣе въ 2-хъ верстахъ на горѣ находится чаша Чингисъ-Хана — Тогонъ-Чоло (котелъ каменный). На Ю. отъ Цасучея, въ 2-хъ в. по ту сторону границы, у озера Оботуй — «балдуруны» со слѣдами стоянки людей каменнаго періода. Здѣсь найденъ между прочимъ обломокъ прекрасно отшлифованнаго орудія каменнаго періода, сдѣланнаго, кажется, изъ бѣлаго нефрита. На Ю. въ 15 в. отъ Кубухая, у озера Цаганъ-норъ, въ мѣстности Булумъ, гдѣ много ключей и одинъ изъ нихъ «кислый», Аршантуй, есть

*) Подобная-же долменообразная постройка, по слухамъ, находится въ вершинѣ р. Толы около монастыря Бревень-хитъ. Видѣвшій эту постройку описываетъ ее такъ: „поставлены три камня, а на нихъ, какъ-бы котелъ на очагѣ, положенъ четвертый“. Называется этотъ долмень такъ же „Чингисъ-ханай, того“, т. е. котелъ Чингисъ-хана. Прим. Ред.

«юрта» — конусообразный курганъ, обложенный плитами, имѣющій $2\frac{1}{2}$ саж. въ поперечникѣ и $1\frac{1}{2}$ арш. высоты, который считаютъ могилой Чингисъ-Хана, или богатыря. Въ 10 в. отъ Кубухая въ сторону Булума, близъ озера Хадатуй и ключа Урту-Харагана (урту — длинная, харагана — куча вустарниковъ) на цѣлую версту тянутся «булдуруны» съ стоянкой людей каменнаго періода. Въ окрестностяхъ «маяки». Кубухаевскій поселокъ окружаетъ интереснѣйшая стоянка людей каменнаго періода, гдѣ собраны особенно интересныя коллекціи предметовъ изъ камня, кости, желѣза и немного изъ бронзы. Въ тѣхъ-же «булдурунахъ» остаются выдутыми коническія могилы, обложенныя сланцевыми плитками, которыя и защищаютъ ихъ отъ сноса вѣтромъ. Тщательныя раскопки 3-хъ такихъ могилъ дали костяки въ колодахъ, бронзовые и желѣзные предметы, остатки шелковой одежды, у одного черепа кожаная полушлемовая шапочка. Способъ погребенія отличный отъ трехъ извѣстныхъ мѣстныхъ способовъ въ другихъ могилахъ Забайкалья.

Въ 6 в. отъ Кубухая по дорогѣ въ Дулургуевскій караулъ, у невысокаго каменстаго выступа, у подошвы котораго находится постепенно высыхающее озеро, въ «булдурунахъ» незначительно обнаженная стоянка людей каменнаго вѣка. По той-же дорогѣ, по пади Дурушевкѣ группы «маяковъ», на правой сторонѣ въ 14, 15 в.; здѣсь у одного изъ «маяковъ» по Бильчиру плита имѣла выѣченныя фигуры и знаки; но мѣстные жители, во время покоса, въ минуты досуга разбили плиту на мелкія части. Съ лѣвой стороны дороги, на 17, 18 в. группы «маяковъ»; въ 2-хъ в. на Ю. отъ послѣднихъ, на устьѣ пади Лизкиной — большая группа маяковъ.

У 3-го конца Дурулгуевской станицы, у кладбища есть булдуруны, въ которыхъ находятся остатки стоянки людей каменнаго періода. На лѣвой сторонѣ Онона, верет. въ 2-хъ ниже Дурулгуевского караула, — шиферный камень большими плитами. Въ 20 в. на Ю. отъ Дурулгуевского караула, у границы, также нѣсколько группъ маяковъ.

Около Тухталтуевского поселка въ «булдурунахъ» стоянка людей каменнаго періода. Отъ вырубки лѣсовъ и «паловъ» пески, передвигаемые вѣтрами, засыпаютъ цѣлыя деревни, заносятъ большія рѣчки.

Около Куранжинскаго, поселка на З. сторонѣ деревни, въ булдурунахъ найдена большая стоянка людей каменнаго періода. Въ Ононскихъ рѣчныхъ раковинахъ найденъ жемчугъ въ діаметрѣ 8 мм. и болѣе мелкій; жемчугъ найденъ также и въ Чиндантѣ 1-мъ, что подтверждаетъ указаніе Ритера о нахожденіи рѣчныхъ жемчужныхъ раковинъ въ р. Ононѣ и его притокѣ Илѣ (К. Ритеръ. Землеводѣніе Азіи, выпускъ 1-й, стр. 331). Около поселка шиферный камень, изъ котораго здѣсь дѣлаютъ грифеля.

Въ 18 в. на Ю. отъ Куранжи—группа маяковъ; тамъ-же говорятъ есть 4 невысокія, выложенныя изъ камня, стѣны въ видѣ квадрата. На лѣвой сторонѣ р. Онона, въ 11 в. отъ Куранжи, въ пади Адугулыкъ, по «уваламъ» также нѣсколько группъ маяковъ.

Куджержтаевское селеніе на правой сторонѣ р. Онона, въ 12 в. отъ Усть-Или. Въ 3-хъ в. отъ селенія, близъ дацана у р. Онона, на скалѣ высѣчена одна строка—«ом-мани-бад-мы-хомъ», но буквы высѣчены не выпукло, какъ на всѣхъ плитахъ, а углублены. Не доѣзжая до Усть-Или, въ 15 в. на С.-В. находится хорошей кислый ключъ—Аршантуй, пользующійся заслуженной извѣстностью.

Усть-Илинское селеніе. Въ $\frac{3}{4}$ в. на Ю. и Ю.-В., на протяженіи болѣе 3 в. тянутся самые огромные изъ всѣхъ извѣстныхъ миѣ «булдуруновъ», какъ по своему протяженію, такъ по ширинѣ и глубинѣ; послѣдняя достигаетъ до 2-хъ сажень. На видѣ «булдуруны» обладаютъ многими характерными признаками дюнныхъ образованій. Въ этой стоянкѣ людей каменнаго періода собрана огромная коллекція издѣлій изъ камня; однихъ овальныхъ большихъ наконечниковъ 183 шт., кромѣ того нѣсколько совершенно новыхъ загадочныхъ предметовъ, затѣмъ много тонкихъ издѣлій, какъ

напр. инструменты для пилки, татуирования, булавки, шилья, таб-
летки, украшение изъ камня, украшение изъ особаго древняго стекла
и т. д. Предметовъ изъ бронзы очень мало, изъ чугуна и желѣза
нѣсколько больше. Въ 5-ти в. на Ю.-В. отъ Усть-Или, въ пади
Сонзуй «городокъ», незначительныя раскопки котораго ничего суще-
ственного не дали; вокругъ найдены издѣлія изъ камня, чугуныя
«башмаки» и т. д.

Близъ Могойтуевской станицы (въ 7 в. на Ю.-В. отъ Усть-
Или) стоянка людей каменнаго періода.

Близъ Ново-Казачинскаго селенія, или Царанхона, на правой
сторонѣ р. Онона — стоянка людей каменнаго періода.

У дороги къ Усть-Тулунтаевскому поселку, гранитная, почти
треугольная плита съ выпукловысѣченными 2 буквами, расположен-
ными одна надъ другой; изъ нихъ верхняя не имѣетъ сходства съ
буквами другихъ плитъ *).

Близъ Усть-Тулунтаевскаго или Солдатовскаго поселка (на пра-
вомъ берегу р. Онона) стоянка людей каменнаго періода. Здѣсь,
кромѣ шлаковъ, которые найдены почти и во всѣхъ другихъ стоян-
кахъ, найдена глиняная форма для отливки чугуныхъ «башмаковъ».

По Урейской пади, на лѣвомъ берегу Онона, верстахъ въ
40—50 на Ю.-З. отъ Акши, очень хорошій содистый ключъ; неда-
леко отъ ключа залежь каменнаго угля, хорошаго качества, судя
по образцамъ, взятымъ даже съ поверхности.

Г. Акша. На С-В въ 1 в. отъ города, по р. Кургатайкѣ, въ
«булдурунахъ» стоянка людей каменнаго періода.

На Ю.-В., въ 1 в. отъ города, по рѣчкѣ Смолкѣ — стоянка людей
каменнаго періода. На обрестныхъ поляхъ находили чугуныя
«башмаки» и другія «шаманскія» вещи, которыя бросали или
уничтожали.

Близъ поселка Тохторскаго, или Учерики (въ 35 в. на Ю.-В.
отъ г. Акши) выпаханъ чугунный «башмакъ» и др. предметы. Въ

*) Плита перевезена въ Нерчинскій музей.

12 в. dalje между падями Газакна (ближняя) и Халзане (пльши-
вая), на гривѣ То-Суга (каменистый, непроходимый), на правомъ и
лѣвомъ выступяхъ скаль, на подобіе столбовъ, между которыми
пролетѣ, высѣчены древній письма *); мѣсто это одни называютъ
чингисъ-хановыми воротами, другіе «бичиктей чолу» (письменный
камень).

По лѣвую сторону дороги изъ Акши, верстахъ въ $2\frac{1}{2}$, а за-
тѣмъ саж. въ 300 отъ Нарасунскаго перевоза черезъ р. Ононъ—
стоянки людей каменнаго періода, интересны въ томъ отношеніи,
что онѣ мѣстами покрыты еще лѣсомъ, по мѣрѣ истребленія кото-
раго увеличиваются и «булдуруны». На пашняхъ близъ Нарасун-
скаго поселка найдено нѣсколько орудій каменнаго вѣка, чугуныя
«башмаки» и т. п. Отъ Нарасунскаго поселка указанные столбы
съ письмами на хребтѣ То-Суга, находятся въ 30 в., но къ нимъ
нужно переѣзжать р. Ононъ и ѣхать верхомъ по неудобной дорогѣ.

Около Нижне-Ульхунскаго селенія (въ 3 в. отъ Нарасунскаго
поселка) на С. въ 7—8 в. группа «маяковъ», болѣе 20; на З. въ 1
в. одинъ маякъ; по дорогѣ въ Партію Ульхунскую на 18-й, 19-й,
20-й верстахъ группы «маяковъ».

Близъ поселка Партіи Ульхунской (на лѣвомъ берегу р. Онона)
за рѣкой—стоянка людей каменнаго періода.

Въ $1\frac{1}{2}$ в. на Ю.-З. отъ поселка, направо отъ дороги въ
Мангутъ, на совершенно гладкой стени находится круглый курганъ,
имѣющій форму усѣченнаго конуса, съ воронкообразнымъ углубле-
ніемъ; въ другихъ мѣстахъ Забайкалья (по р. Нерчѣ, Ундѣ, Гази-
муру и нѣкоторымъ притокамъ Аргуни) курганы такого устройства
называются «коврижками», здѣсь-же «букучаномъ» (земляная на-
сыпь). Этотъ курганъ имѣетъ поперекъ основанія около 9 саж. и
около 3 саж. высоты. Въ 2 в. на Ю. отъ этого кургана, у доро-
ги одинъ «маякъ». Въ $1\frac{1}{2}$ в. отъ поселка, на увалахъ горы
«Средній Ульхунчикъ» нѣсколько группы маяковъ.

*) Эти письма, кажется, осматривалъ профессоръ Позднѣевъ (?).

Не доѣзжая 10 в. до Мангутской станицы, почти противъ Ульхунскаго дацана, лежитъ Мангутская падь, по которой протекаетъ р. Мангутъ, впадающая съ правой стороны въ р. Ононъ. Въ $12\frac{1}{2}$ отъ устья р. Мангута, въ 23 в. отъ Мангутской станицы и въ 1 в. отъ криваго Мангутскаго ключа, на правой сторонѣ р. Мангута, находится скала въ 18 саж., въ которой на высотѣ 9 саж. высѣчена пещера «Нукэтуй» (нукэ — дыра, туй — гора); сдѣланныя внутри ея раскопки не дали существенныхъ результатовъ. На высотѣ 1 сажени отъ поверхности земли, ниже и нѣсколько лѣвѣе отверстія пещеры, на сглаженной части скалы, въ видѣ плиты, находятся едва замѣтныя древнія письмена, сдѣланныя черной краской. Въ 2 в. отъ Онона, на лѣвомъ берегу р. Мангута, въ «булдурунахъ» — стоянка людей каменнаго періода. По другую сторону р. Мангута, также въ 2 в. отъ р. Онона, признаки маяка. Здѣсь же на пашняхъ и въ другихъ отпадкахъ найдены жернова, пестики, металлическія зеркала и т. д. Мною составлена подробная карта Мангутской пади съ ея отпадками, сдѣланъ снимокъ скалы съ пещерой, планъ последней, все надписи въ натуральную величину, сличенъ (очень не точный) снимокъ письменъ, сдѣланный Н. П. Юринскимъ (Записки Сибирскаго Отдѣла 1856 г. Кн. II, стр. 80).

На лѣвой сторонѣ р. Онона, въ 7—8 верстахъ отъ Мангута, по дорогѣ въ Верхній Ульхунъ, на елани — группа маяковъ. Въ 8 в. отъ Мангута, у подошвы Харатуя 4 группы «маяковъ». Въ $\frac{1}{2}$ в. отъ подошвы Харатуя группа «маяковъ». Противъ Верхняго Ульхуна на правой противоположной сторонѣ р. Онона, стоянка людей каменнаго періода. И эта послѣдняя стоянка, ближайшая къ границѣ, расположена, какъ и все безъ исключенія стоянки, найденныя по р. Онону — на правой его сторонѣ. Въ окрестностяхъ Кыринскаго караула на пашняхъ найдено нѣсколько орудій каменнаго вѣска, чугушныя «башмаки» и т. п. Въ 4 в. отъ Кыринскаго караула, на правой сторонѣ дороги въ Алтанскій карауль 1 «маякъ». Далѣе въ 7 в. отъ караула, на правой сторонѣ, у той-же дороги,

у группы изъ 5 «маяковъ», въ 3 саж. на В. отъ послѣднихъ (гдѣ обыкновенно стоятъ сторожевые камни) найденъ почти квадратный гранитный столбъ *). До 1879 г. этотъ археологическій памятникъ стоялъ вертикально, но жители Кыринскаго караула, производя подь нимъ хищническую раскопку, уронили и разбили его на двѣ части. Столбъ, съ нѣскольکو закругленной верхушкой, правильно обдѣланъ, имѣетъ 3 арш. $9\frac{1}{4}$ верш. длины, $6\frac{1}{2} \times 5\frac{3}{4}$ в. ширины вверху и 9×4 в. внизу. На двухъ его болѣе плоскихъ сторонахъ высѣчены одна надъ другой пугалицы и другія, менѣе ясныя, символическія изображенія; на остальныхъ 2-хъ боковыхъ сторонахъ высѣчены неясные знаки; въ верху столба, на обѣихъ плоскихъ сторонахъ высѣчены кружки въ $6\frac{1}{2}$ в. въ діаметръ, а подь ними, вокругъ всего столба, высѣченъ желобокъ; все изображенія углублены въ гранитъ. Этотъ памятникъ имѣетъ особый интересъ, по сходству (какъ мнѣ кажется по плохому рисунку г. Давыдова) изображенныхъ на немъ пугалицъ съ птицами, высѣченными на плитѣ, стоявшей въ 22 верстахъ отъ Верхнеудинска по тракту въ Селенгинскъ и теперь хранящейся въ Иркутскомъ музеѣ.

По той-же дорогѣ, не доѣзжая 4 в. до Алтанскаго караула, группа «маяковъ». Въ 1 в. отъ Алтанскаго поселка, по дорогѣ въ Букукунскую станицу группа «маяковъ».

Затѣмъ путемъ разспросовъ я узналъ, что въ 45 в. отъ Букукунской станицы, въ 20 в. по ту сторону границы, по р. Бальдзѣ, въ 5 саж. выше впадающей въ нее съ лѣвой стороны р. Галгатай, у дороги, идущей по р. Бальдзѣ, на берегу послѣдней есть утесъ съ надписями, сдѣланными красной краской.

Такимъ образомъ лѣтомъ 1892 г. мною констатировано болѣе 20 лапидарныхъ памятниковъ, точные снимки съ которыхъ (почти со всѣхъ) скоро будутъ мною исполнены, 25 стоянокъ людей каменнаго періода, въ которыхъ собраны болѣе или менѣе интересныя коллекціи. Кроме того собраны коллекціи растеній, насекомыхъ и т. д.

А. Кузнецовъ.

*) Перевезенъ въ Нерчинскій музей.

О крестообразныхъ фигурахъ на шаманскихъ бубнахъ и писаницахъ.

Бубны сибирскихъ шамановъ сходны только въ общихъ чертахъ; въ подробностяхъ-же замѣчается различіе. Всѣ они состоятъ изъ обичайки (круглой, эллиптической или овальной), обтянутой кожей только съ одной стороны; съ другой-же представляютъ открытую полость; поэтому видомъ своимъ они напоминаютъ русское сито или лукошко и не отличаются въ этомъ отношеніи отъ русскаго бубна, но не похожи на бубны, употребляемые въ ламайскихъ монастыряхъ, которые обтянуты кожей съ обѣихъ сторонъ и имѣютъ полость закрытою. Въ полости сибирскихъ шаманскихъ бубновъ укрѣпляются перекладины, служащія вмѣсто ручки для держанія бубна; въ формѣ этихъ-то перекладинъ и замѣчаются главные особенности. По устройству перекладинъ можно различать три типа: алтайско-саянскій, тунгусскій и самоѣдскій.

Въ алтайско-саянскомъ бубнѣ, то есть въ бубнѣ, который употребляется у алтайцевъ, черневыхъ татаръ, у татаръ минусинскаго округа, у сойотовъ и у сѣверныхъ монголовъ двѣ перекладины, которыя перекрещиваются: одна вертикальная, деревянная — она по-монгольски называется *баръ*; другая — горизонтальная железная; сойоты называютъ ее «тетивой», *кришь*. Иногда вертикальная перекладина, которая служитъ вмѣсто ручки, такъ называемый «баръ», имѣетъ вверху утолщеніе, на которомъ вырѣзано изображеніе человѣческаго лица; тогда нижній конецъ перекладины представляетъ раздвоеніе, которое называется у алтайцевъ «ногами». Въ другихъ случаяхъ обѣ половины, и верхняя и нижняя, одинаковы.

Въ тунгусскихъ бубнахъ ручка устроена иначе: она имѣетъ видъ креста, желѣзнаго или деревяннаго, подвѣшаннаго въ полости бубна. Такъ какъ длина креста вдвое короче діаметра бубна, то концы его не доходятъ до обичайки, а соединены съ нею посредствомъ ремней или бичевовъ; крестъ виситъ въ полости бубна на полвершка надъ дномъ его, въ плоскости, параллельной дну *).

Самоѣдскій бубень я видѣлъ только въ Тобольскомъ музеѣ (см. рис. 3). Въ его полости, какъ и въ тунгусскомъ, ручка подвѣшана на ремешкахъ къ обичайкѣ, но только она не имѣетъ формы креста; вертикальная поперечина почти равна діаметру бубна; горизонтальная представляетъ радіусъ, идущій отъ середины вертикальной поперечины къ окружности бубна: одинъ конецъ ея вѣзанъ въ вертикальную поперечину, другой прикрѣпленъ ремнемъ къ обичайкѣ. Сходно съ этимъ и описаніе самоѣдскаго бубна въ «Этногр. Сборникъ», изд. Геогр. Общ., т. IV, стр. 60.

Такое устройство рукоятки тунгусскаго и самоѣдскаго бубновъ, не укрѣпленной неподвижно въ его полости, а подвѣшанной и колеблющейся на ремняхъ, могло быть вызвано или практической потребностью или какими-нибудь мифологическими соображеніями. Вѣрность удара по бубну при такой рукояткѣ менѣе достижима, можетъ быть это устройство имѣетъ цѣлью усиливать гулкость звука. Последнее можно допустить только въ томъ случаѣ, если крестообразная рукоятка прикрѣплена не къ обичайкѣ, а къ краямъ кожи; прикрѣпленіе-же къ обичайкѣ, конечно, не можетъ имѣть подобнаго значенія. Къ сожалѣнію я имѣлъ случай только бѣгло взглянуть на тунгусскіе бубны и не разсмотрѣлъ подробности прикрѣпленія ремней. Тѣмъ не менѣе разнообразіе это нельзя объяснить одними практическими цѣлями. Я считаю не лишнимъ привести ниже все, что мнѣ кажется подходящимъ въ данномъ случаѣ изъ области Сибирской мифологіи.

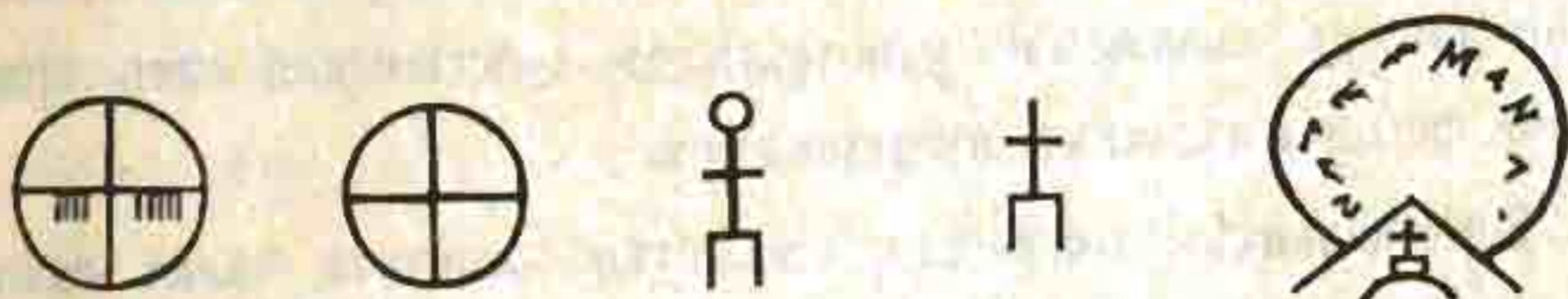
*) Изображеніе этихъ бубновъ можно видѣть въ моихъ «Очеркахъ Сѣв.-зап. Монголіи», в. IV.

Въ тунгусскомъ бубнѣ крестъ лсенъ; въ алтайскомъ поперечины тоже перекрещиваются, но онѣ не связаны между собою; желѣзная горизонтальная поперечина не прободаетъ деревянную вертикальную, а проходитъ подлѣ нея—въ планѣ строителя какъ будто не входило дать крестообразную фигуру. Видиѣ фигура креста на деревянныхъ мелкихъ моделяхъ бубна, которыя дѣлаются бурятами и служатъ онгонами, а также на рисункахъ на онгонахъ, сдѣланныхъ изъ бумажной матеріи. Когда бурятъ-рисовальщикъ, изготовляющій онгонъ, хочетъ изобразить шамана на доскутѣ бѣлаго холста или бѣлой дабы, онъ чертитъ человѣческую фигуру и въ руку ей даетъ кружокъ съ крестомъ внутри его. Этотъ кружокъ представляетъ собою бубень (см. въ Оч. С. З. Монг., в. IV, табл. 1, рис. 32).

Можно подробно прослѣдить происхождение этого кружка съ крестомъ внутри отъ шаманскаго бубна. На алтайскихъ бубнахъ часто встрѣчаются рисунки бѣлой или красной краской. Въ доли-нахъ Катуня и Чуя рисунокъ на кожѣ внутри полости обыкновенно представляетъ изображеніе «бара»; одна черта изображаетъ вертикальную поперечину съ человѣческимъ лицомъ въ верхнемъ концѣ и раздвоеніемъ внизу, другая, идущая поперекъ, — горизонтальную съ навѣшанными на ней погремками. Въ поляхъ, ограниченныхъ этими чертами, помѣщаются иногда человѣческія фигуры, держащія въ рукѣ бубны. Последніе изображаются въ видѣ кружка съ крестомъ внутри; на горизонтальныхъ перекрещиваніяхъ пририсованы погремки. Можно прослѣдить на бубнахъ цѣлый рядъ переходовъ; самый сложный рисунокъ состоитъ изъ креста, на верхнемъ концѣ котораго человѣческое лицо, внизу раздвоеніе въ видѣ буквы П, на бобовыхъ концахъ креста погремки; эту фигуру дополняетъ кругъ, которымъ она очерчена; такой рисунокъ мы имѣемъ пока только въ одномъ экземплярѣ, именно на бубнѣ, изображеніе котораго помѣщено въ моихъ «Очеркахъ Сѣв.-зап. Монголіи», т. IV, рис. 52; въ тѣхъ случаяхъ, когда подобный крестъ нарисованъ во всю величину бубна,

т. е. когда онъ представляетъ только копію «бара», въ начертаніи круга нѣтъ надобности; оно замѣнялось окружностью самого бубна. Черезъ упрощеніе этого рисунка получаютъ слѣдующія фигуры: 1) кругъ, внутри его крестъ; на горизонтальной чертѣ креста привѣски; 2) тотъ-же рисунокъ, но безъ привѣсокъ на горизонтальной чертѣ; 3) крестъ безъ круга, но съ человѣческой головой наверху и съ раздвоеніемъ на нижнемъ концѣ; эта фигура представляетъ человѣка съ руками и ногами; ее можно видѣть въ моихъ «Очеркахъ», IV, табл. V, рис. 53. Подобные кружки съ крестами встрѣчаются и на писаницахъ, т. е. на скалахъ, покрытыхъ начертаніями. Здѣсь встрѣчается еще одна комбинація—4) крестъ безъ круга, безъ головы вверху, съ однимъ раздвоеніемъ внизу, въ видѣ буквы П. Последний рисунокъ, напоминающій христіанское изображеніе креста на Голгофѣ, на бубнахъ не встрѣчается; найденное только на писаницѣ оно можетъ быть признано за позднѣйшее дополненіе, сдѣланное русскими. Но кромѣ того, что этотъ рисунокъ можетъ быть выведенъ посредствомъ аналогій и переходныхъ формъ изъ рисунковъ на бубнѣ, есть еще одинъ фактъ, способный возбудить сомнѣніе въ христіанскомъ происхожденіи такого изображенія на писаницахъ. Г. Адриановымъ найденъ такой крестъ на р. Кемчикѣ, въ уроч. Кая-бажи, въ такой обстановкѣ, которая свидѣтельствуетъ о современности этого изображенія съ руноподобными енисейскими письменами. Это изображеніе описано г. Ядринцевымъ въ «Литер. Сборникѣ», изд. редакціей «Вост. Обозрѣнія», Спб., 1885 г., стр. 457 (рисунокъ помѣщенъ на таблицѣ, приложенной къ статьѣ, подъ № 2). Вотъ какъ г. Ядринцевъ описываетъ это начертаніе: «Не далеко отъ описанныхъ надписей, но и не находясь ни въ какой видимой непосредственной связи съ ними, *вырѣзанъ кругъ*, въ незамкнутую нижнюю часть котораго входитъ прямой уголъ, отверстіемъ обращенный внизъ. Въ углу вырѣзано подобіе трехугольной шляпы, на дно которой поставленъ крестъ, а внутри круга, слѣдую

по его окружности, вырѣзано 13 знаковъ на подобіе цифръ на часовомъ циферблатѣ.

1

2

3

4

5

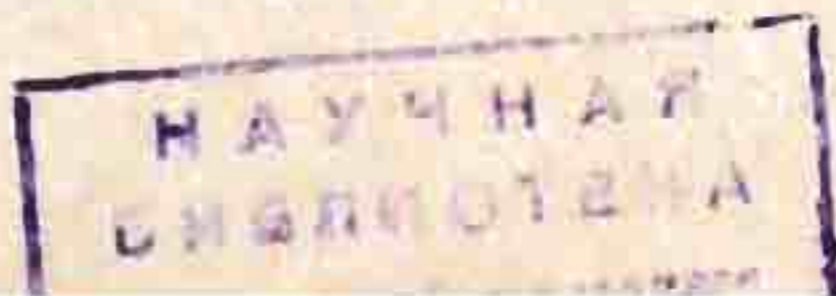
6

7

Вопросъ о крестахъ на писаницахъ, въ виду существованія изображенія на скалѣ Кая-бажи, можетъ быть рѣшенъ двойко: или нужно допустить, что во время существованія руноподобнаго енисейскаго письма, т. е. ранѣе VII вѣка по Р. Хр., въ Саяны было занесено христіанство, или что крестъ съ раздвоеніемъ внизу въ видѣ буквы П—шаманскаго происхожденія и что изображеніе это было занесено въ Европу кочевниками Средней Азии во время переселеній и повліяло на христіанскую символистику.

Христіанскій крестъ иногда сопровождается изображеніемъ солнца и луны *): если крестъ написанъ на матеріи или вышитъ, то два свѣтила помѣщаются по сторонамъ верхняго конца креста; если крестъ вылитъ изъ металла, свѣтила изображаются въ медальонахъ, помѣщенныхъ на горизонтальныхъ концахъ креста. Покойный Петербургскій Академикъ объяснялъ это дополненіе къ кресту вліяніемъ языческаго художества. Фидіасъ изобразилъ рожденіе Венеры изъ пѣны въ моментъ, когда выходило солнце (Геліосъ) и закатилась луна (Силена). Вотъ эта-то тема и усвоена христіанскими мастерами и перенесена на изображеніе креста. Однако на шаманскихъ бубнахъ мы также встрѣчаемъ иногда солнце и луну, изображенныя

*) см. Didron, *Annal. archeolog.*, t. I, рисунокъ къ статьѣ: «Dalmatique impériale» t. III, p. 359 и 360, и у Стефани, въ Отчетѣ Импер. Археологической Коммиссіи за 1869 годъ, стр. 47.

рядомъ съ верхнимъ концомъ бара. См. въ «Очеркъ Сѣв.-Зап. Монголіи» табл. IV, рис. 51 и 52; табл. V, рис. 53. Поэтому мы не лишены основанія усмотрѣть въ христіанской символистикѣ вліяніе средне-азіатскихъ представлений.

Вертикальную поперечину въ бубнѣ монголы, какъ сказано выше, зовутъ *баръ*; у алтайцевъ она называется *барсэ*, *марсэ*, *борзы*. Въ связи съ этимъ именемъ несомнѣнно и бурятское названіе одного онгона, который имѣетъ видъ модели бубна; онгонъ состоитъ изъ деревяннаго кружка, внутри котораго вставленъ деревянный крестъ. Этотъ онгонъ называется по-бурятски *баръ-убугунъ*, *барасъ-убугунъ* *). Интересно совпаденіе этихъ именъ съ именами звѣрей: *барсэ* — *Felis irbis*; *баръ* по-монгольски «тигръ» — *Felis tigris*; *бартахи*, *баранъ-урегунъ* по-бурятски «медвѣдь». *Убугунъ* по-монгольски «старикъ»; сибирскіе инородцы часто называютъ медвѣдя старикомъ. Если это совпаденіе имени рукоятки бубна и имени онгона съ именами звѣрей не случайно, а коренится въ народныхъ представленіяхъ о шаманскомъ бубнѣ, въ какой-то темной связи шаманскаго культа съ культомъ медвѣдя, то объясненіе имени рукоятки и ея изображеній мы должны искать въ повѣрьяхъ о звѣряхъ вообще или о медвѣдѣ въ частности. Обращаясь къ тому, что извѣстно о почитаніи медвѣдя и обрядахъ, соединенныхъ съ этимъ почитаніемъ, мы находимъ здѣсь разсказы о медвѣжьихъ праздникахъ. Эти праздники, кажется, были прежде распространены по всей Сибири; теперь они уцѣлѣли только у Вогуличей и у тунгусскихъ племенъ на Амурѣ. Интересное описаніе медвѣжьего праздника на Амурѣ оставилъ Депперадовичъ (въ Сборникѣ свѣдѣній о Сибири, изд. Б. Милютина, т. II, вып. 1, стр. 32—39).... Ловятъ молодаго медвѣженка и выкармливаютъ его въ деревянномъ срубѣ; когда онъ достигнетъ надлежащаго возраста, крышу раскрываютъ и

*) Баръ, перекладина въ шаманскомъ бубнѣ, служащая ручкой, можетъ быть сближаема съ монгольскимъ *барюль*, — «рукоятка». Но формы *баръ-убугунъ*, *барасъ-убугунъ* дѣлаютъ вопросъ о происхожденіи имени *баръ* запутаннымъ.

набрасываютъ на тѣло медвѣдя петлю съ двумя концами; потомъ набрасываютъ другую также съ двумя концами; затянувъ петлю и натянувъ концы, срубъ разбираютъ и ведутъ медвѣдя къ мѣсту, гдѣ онъ долженъ быть заколотъ; здѣсь привязываютъ его къ врытому въ землю столбу, женщины въ теченіи цѣлаго дня оплакиваютъ его, потомъ старикъ, одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ, убиваетъ медвѣдя выстрѣломъ изъ лука^{*)}).

Давно уже указано, что въ эпическихъ темахъ иногда отражаются древніе обряды. Поэтому мы можемъ подозрѣвать, что именно этотъ обрядъ «медвѣжій праздникъ» отразился въ темахъ, встрѣчающихся въ фольклорѣ Средней Азии, о персонажѣ, прикованномъ четырьмя цѣпями къ четыремъ стѣнамъ темницы. Мы встрѣчаемъ эту тему въ одномъ тангутскомъ сказаніи, записанномъ нами въ Сѣверо-восточномъ Тибетѣ: Кала-мэмбырь запертъ въ желѣзный домъ и прикованъ четырьмя цѣпями къ четыремъ стѣнамъ. Разсказъ поясняетъ, что онъ посаженъ на цѣпи для того, чтобы все тѣло его обратилось въ желѣзо^{**)}. Ту-же тему мы встрѣчаемъ въ киргизской сказкѣ, записанной г. Радловымъ (Рогов, III, 112). — Конь какого-то Джангбыршея запертъ въ желѣзномъ домѣ и прикованъ къ стѣнамъ четырьмя желѣзными цѣпями; тема та-же, а разстояніе между пунктами, гдѣ записаны сказки, не менѣе 4000 верстъ. Прибавимъ еще славянскій образецъ: Гогъ-Магогъ, челоуѣкоядецъ, распяленъ четырьмя цѣпями на четыре стороны.

Не эти-ли темы отразились въ устройствѣ тунгузскаго бубна? Распяливаніе тѣла входило въ составъ обряда языческихъ жертвоприношеній у инородцевъ Сибири; можетъ быть его продѣлывали и съ тѣломъ обреченнаго къ смерти медвѣдя. Въ тунгузскомъ бубнѣ мы имѣемъ желѣзный крестъ, распяленный посредствомъ ремней; въ другихъ случаяхъ можетъ быть ремни замѣнялись цѣпями. Кресто-

*) Покойный миссіонеръ о. Вербицкій разсказываетъ объ алтайцахъ, что они дошадъ, назначенную въ жертву богамъ, прежде, чѣмъ заколотъ ее, распяливаютъ на землѣ за четыре ноги (Вѣстн. Импер. Русск. Геогр. Общ. т. XXIV.

***) Невышедшее еще въ свѣтъ мое путеш. въ Амдо, т. II, стр. 20.

образная же перекладина въ западныхъ бубнахъ, какъ мы видѣли, носитъ названіе *баръ-убуунъ* или *барасъ-убуунъ*, «старикъ Баръ» или «старикъ Барасъ», подъ которымъ, можетъ-быть, скрывается какой-то звѣрь, судя по эпитету «старикъ», — медвѣдь.

Допустивъ гипотезу о среднеазиатскомъ вліяніи на христіанскую символистику, можно ходъ дѣла представить себѣ въ такомъ видѣ: Шаманство было въ какой-то связи съ культомъ медвѣдя. На это намекаетъ само монгольское названіе бара, т. е. рукоятки. Баръ не простая рукоятка съ украшеніями; очевидно онъ схематизируетъ какое-то легендарное лицо: — это какой-то духъ или богъ. На то, что тутъ подразумѣвается лицо, указываетъ эпитетъ «старикъ» — *убуунъ*. Баръ, правда, не значитъ медвѣдь; но это могло быть имя медвѣдя, которое только впоследствии перешло на другого звѣря.

Объ этомъ лицѣ, Баръ или Барасъ, были легенды; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ могли рассказывать, что онъ былъ распятъ крестообразно. Тема о пригвожденіи встрѣчается часто въ сказкахъ Средней Азии; у тюрковъ южной Сибири записаны сказанія о пригвожденіи Аранъ-тайджи къ дереву, о пригвожденіи сына Акъ-хана къ землѣ семью желѣзными гвоздями по повелѣнію богатыря Солбанъ-мергана, о пригвожденіи семи братьевъ къ стѣнѣ Алтынъ-мэрганомъ, о пригвожденіи Сэдэй-мэргана богатыремъ Ала-картага. (Radloff, Proben, I, 416; II, 396; Шифнеръ въ *Mél. asiat.*, III).

Среднеазиатскія племена, пришедшія въ Европу, нашедши тутъ христіанство, начали сопоставлять свои темы съ христіанскими легендами и нашли въ нихъ нѣкоторые сходные элементы; они отождествили нѣкоторыя христіанскія лица со своими языческими, какъ это и теперь дѣлаютъ монголы, которые въ иконѣ Знаменья Божьей Матери видятъ свое божество Цаганъ-дара-экэ; въ Христѣ — Гасара; въ Николаѣ Чудотворцѣ — Цаганъ-убугуна и т. п. Тоже было и тогда. Узнавая въ христіанскихъ лицахъ свои знакомые персонажи, они, принимая христіанство, должны были переносить атрибуты и легенды со своихъ языческихъ лицъ на христіанскія. Если изъ рядовъ этихъ христіанизированныхъ полуварваровъ выходили художники, то они должны были внести во вновь усвоенные образцы и темы нѣкоторые детали изъ своей національной полуварварской символистики.

Г. Астанинъ.

ВОЗЗРѢНІЯ БУДДІЙСКОЙ СВЯЩЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ЖЕНЩИНУ.

Тѣ или другія воззрѣнія на женщину, господствующія въ извѣстной средѣ или литературномъ произведеніи, служатъ отчасти показателями нравственнаго развитія этой среды, и вопросъ этотъ, помимо частнаго интереса, можетъ имѣть еще и болѣе общій интересъ. Въ этомъ отношеніи крайне любопытны воззрѣнія буддѣйской священной литературы на женщину. Такъ какъ воззрѣнія эти обусловливаются общими теоретическими положеніями буддизма, то я и начну съ краткой характеристики этихъ послѣднихъ.

По ученію буддизма, жизнь во всѣхъ ея формахъ — длинный рядъ неизбѣжныхъ и неопределимыхъ страданій. Поэтому задача жизни не въ томъ, чтобы бороться съ ея ненормальностями, не въ томъ, чтобы улучшать ее, что недостижимо и невозможно, а въ томъ, чтобы совсѣмъ перестать существовать какъ я, какъ личность, погрузиться въ нирвану, «гдѣ звуки земные смолкаютъ для слуха, свѣтъ угасаетъ тѣлесныхъ очей». Но понятно, что для достиженія такой своеобразной цѣли, должны быть и средства своеобразныя. И дѣйствительно, весь путь буддѣйскаго совершенствованія есть путь отреченія отъ міра, отъ общества, отъ семьи, отъ всякихъ земныхъ привязанностей и страстей, словомъ отъ всего, что можетъ заставить человѣка думать, страдать, волноваться, любить или ненавидѣть. Земной идеалъ буддиста есть идеалъ странствующаго нищаго монаха, отъ всего отрѣшившагося и ко всему равнодушнаго, потому что только отшельничество и нищенство, и только они одни открываютъ путь къ нирванѣ. «Чьи чувства спокойны, говоритъ Дгаммапада, подобно конямъ, укрощеннымъ возницей, кто отринулъ отъ себя гордость, кто свободенъ отъ всякой нечисти, — такому совершен-

ному завидуютъ сами боги. Преисполненные радости, живемъ мы, свободные отъ вражды во враждебномъ намъ мѣрѣ; среди дышащихъ враждою людей мы пребываемъ безъ враждебности. Преисполненные радости, живемъ мы, здоровые среди больныхъ; среди больныхъ людей мы пребываемъ безъ болѣзни. Преисполненные радости, живемъ мы безъ заботливыхъ стремленій; среди стремящихся мы пребываемъ безъ стремленій. Преисполненные радости, живемъ мы, кому ничто не принадлежитъ. Веселье наша пища, какъ пища лучезарныхъ боговъ. Аскетъ, проживающій въ пустынномъ скитѣ съ полною мира душою испытываетъ сверхчеловѣческое блаженство, созерцающая истину въ чистотѣ». Напротивъ, «жизнь въ мѣрѣ и семьѣ — горе, мѣсто нечистоты. Кто имѣетъ сношенія съ другими, въ томъ возникаютъ страсти и страданія, сопровождающія страсти. Кто имѣетъ симпатіи къ друзьямъ и близкимъ, тотъ теряетъ, потому что умъ его какъ-бы связанъ» и т. д.

Не трудно понять послѣ сказаннаго, что семья съ буддѣйской точки зрѣнія это — узы, которыя благоразумный человѣкъ долженъ разорвать, а женщина это — зло, привязанность къ которому мѣшаетъ человѣку избавиться отъ міра и страданій. «Пока не разрушена даже самая малая привязанность къ женщинѣ, гласитъ одинъ свящ. текстъ, до той поры умъ мірскаго человѣка такъ-же привязанъ къ міру, какъ теленокъ, питающійся молокомъ — къ матери». Поэтому мудрецъ не долженъ по возможности даже смотрѣть на женщину. Такъ, когда однажды Ананда, спросилъ Будду: «какъ должны мы держать себя съ женщиной, владыко?» Будда подалъ такой совѣтъ: «Вы должны избѣгать ея взгляда, Ананда! — Но разъ мы уже увидѣли ее, что должны мы тогда дѣлать, владыко? — Не говорить съ ней, Ананда. — А если мы уже заговорили къ ней, владыко, тогда что? — Тогда вы должны зорко блюсти за собой, Ананда». Правда, уже при жизни Будды на ряду съ монахами мы встрѣчаемъ среди его послѣдователей и мірянъ, а въ буддѣйской свящ. литературѣ находимъ цѣлый рядъ вполне гуманныхъ и разумныхъ правилъ,

регулирующихъ семейныя отношенія, но всѣ эти правила не требованія, а только компромиссы. И Будда, и его ученики не могли не видѣть, что всеобщій аскетизмъ — невозможенъ. Поэтому, уступая необходимости, они хотя и допустили въ свою среду мірянъ, людей семейныхъ, но въ то-же время учили, что не въ семейной жизни идеаль буддиста, а въ отшельнической, и если создали правила для семейной жизни, то создали потому, что благодаря этимъ правиламъ человекъ, по ихъ мнѣнію, въ будущемъ можетъ возродиться при такихъ условіяхъ, что легко и удобно сдѣлается отшельникомъ. Довказательствомъ этого служатъ цѣлый рядъ легендъ Дзанъ-лунга, въ которыхъ разсказывается, какъ тотъ или другой мірянинъ совершалъ какую-нибудь буддійскую добродѣтель, въ слѣдующемъ перерожденіи прибавлялъ еще нѣсколько и, когда сумма этихъ добродѣтелей становилась достаточной, то въ одномъ изъ перерожденій онъ получалъ возможность сдѣлаться отшельникомъ и, наконецъ, достигалъ или достоинства будды, или нирваны. Правда, въ исторіи буддизма появляются школы, которыя проповѣдуютъ, что сдѣлаться бодисатвами и достичь избавленія отъ золъ жизни могутъ и міряне, если они будутъ исполнять извѣстныя требованія, — школы, несомнѣнно пользовавшіяся симпатіями мірянъ, но въ буддійской свящ. литературѣ онѣ оставили по себѣ лишь незначительныя слѣды, такъ что общее воззрѣніе на семью и женщину — указанное нами выше, т. е. что семья это — узы, а женщина — это зло, отъ котораго нужно сторониться.

Но легко было предъявить подобное требованіе, выполнить-же его было далеко труднѣе, потому что въ человекѣ слишкомъ сильны инстинкты семьи и рода, — инстинкты, которые вѣроятно не разсмущали покой благочестивыхъ аскетовъ и заставляли ихъ забывать о нирванѣ. И вотъ, чтобы гарантировать отшельниковъ отъ увлеченій, а неженатыхъ людей отъ брака, общее воззрѣніе на женщину, какъ на зло, начинаетъ облекаться въ болѣе конкретныя формы. Благочестивые пустынножители начинаютъ подмѣчать всѣ

крупные и мелкіе грѣхи и грѣшки женщины, собираютъ все ходячіе рассказы о козняхъ и лукавствѣ женщинъ и создаютъ рядъ рассказовъ и поученій, въ которыхъ женщины фигурируютъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Женщина въ этихъ рассказахъ является существомъ менѣе одареннымъ, чѣмъ мужчина, — существомъ, которое вездѣ сѣетъ раздоры и несетъ съ собою гибель и разложеніе. «Если на рисовомъ полѣ, находящемся въ полномъ цвѣту, Ананда», аттестуетъ одинъ свящ. текстъ отъ лица Будды женщинъ, «появится болѣзнь, называемая ржавчиной, — то недолго просуществуетъ это поле; такъ точно, Ананда, если въ какомъ-либо ученіи, или въ какой-либо общинѣ дозволено будетъ принять участіе женщинамъ и будетъ разрѣшено имъ отреченіе отъ міра, будетъ предоставлено имъ право покидать родину, не долго просуществуетъ тамъ святой образъ жизни». Зависитъ это отъ того, что женщины-существа лживыя, хитрыя, легкомысленныя, готовыя всегда и всякаго обмануть и пр. «Насколько скрытъ въ водѣ слѣдъ рыбы», гласитъ другой свящ. текстъ, «настолько-же скрыты существа женщины — эти лукавыя воровки, у которыхъ не найдешь правды, для которыхъ ложь то-же, что правда, а правда то-же, что ложь». Козни ихъ противъ мужчинъ безчисленны, а вмѣстѣ съ тѣмъ безчисленны и скабрено-игривыя анекдоты, описывающіе эти козни, причемъ часто анекдоты эти настолько откровенны, что ихъ рѣшительно нѣтъ возможности передавать печатно. Связываться съ женщинами, по словамъ буддійскихъ текстовъ, это значитъ идти на вѣрныя козни и причинить себѣ массу страданій. «Въ одномъ изъ своихъ прежнихъ перерожденій, «гласитъ одинъ свящ. текстъ по этому поводу», Будда родился барамнасіекомъ царемъ, который любилъ играть въ кости со своимъ главнымъ жрецомъ, и когда бросалъ кости, то говорилъ: «Все рѣки криво текутъ, во всякомъ лѣсѣ дрова и всякая женщина сотворитъ грѣхъ, застигнутая въ скрытномъ мѣстѣ». Играя такъ, царь всегда выигрывалъ, а жрецъ проигрывалъ. Видя, какъ въ домѣ исчезаетъ достатокъ, жрецъ задумалъ жениться и сталъ такъ раз-

суждать: «Не могу я стеречь женщину, уже видѣвшую мужчину; стану стеречь какую-нибудь женщину со дня ея рожденія, и когда она достигнетъ возраста, подчиню ее себѣ, сдѣлаю ее принадлежащею себѣ и, приставивъ къ ней сильную стражу, наберу много богатства отъ царя». Такъ и сдѣлалъ жрецъ: досталъ отъ бѣдной женщины дѣвушку, окружилъ ее женщинами и, пока она росла, не игралъ съ царемъ. Когда-же дѣвочка выросла, онъ сказалъ царю: «Поиграемъ, великій царь!» — «Хорошо», согласился царь и сталъ играть прежнимъ способомъ. Но когда царь, расцѣвая, бросалъ кость, жрецъ прибавлялъ; «исключая моей питомицы», и начиная съ той поры жрецъ выигрывалъ, а царь проигрывалъ. Царю это не понравилось, и онъ отрядилъ одного плута соблазнить дѣвушку. Плутъ пошелъ и недалеко отъ дома жреца завелъ торговлю благоуханіями. Питомицу стерегли такъ, что въ домъ нельзя было и думать проникнуть. Но у нея была служанка, которой случалось проходить мимо лавки того плута. И вотъ однажды, видя какъ она проходитъ, плутъ вышелъ изъ своей лавочки, упалъ къ ея ногамъ и, обнявъ ихъ крѣпко руками, говоритъ со слезами: «Матушка, гдѣ ты была столько времени?» Другіе подвученные плуты стояли и говорили о сходствѣ матери съ сыномъ. Служанка повѣрила ихъ словамъ, признала плута своимъ сыномъ и начала брать въ его лавочкѣ благоуханія для молодой жены жреца. Черезъ нѣсколько времени плутъ сказался больнымъ и такъ объяснилъ свою болѣзнь названной матери: «Матушка! слыша похвалы твоей питомицѣ, я влюбился и если овладѣю ею, то буду жить; если не овладѣю, умру». Служанка довнесла объ этомъ молодой женщинѣ и, съ ея согласіемъ, пронесла плута въ корзину съ цвѣтами въ домъ жреца, гдѣ онъ и прожилъ два-три дня. Наконецъ молодая женщина сказала: «Господинъ! теперь ты долженъ уходить» — «Не хочу уходить, не прибывъ жреца», отвѣчалъ плутъ. — «Да будетъ такъ», отвѣчала женщина и спрятавала любовника. Пришелъ браминъ. «Господинъ, сказала ему жена, я хочу поплясать подѣ твою игру на лютнѣ». — «Хорошо, милая, по-

платки!»! — «Если ты станешь смотреть, я застыжусь. Я завяжу тебе глаза платком». Жрец согласился. Жена поплясала и говорит ему: «Господинь, хочу ударить тебя разъ по головѣ». Жрец позволилъ и это. Когда же плуть ударилъ его довольно сильно, онъ потребовалъ, чтобы жена подала ему руку, и сказалъ: «Рука нѣжна, а ударъ крѣпокъ». Когда жрецъ ушелъ, вынесли и плута въ корзину, и онъ пошелъ и рассказалъ обо всемъ царю. Между тѣмъ жрецъ явился къ царю. Тотъ предложилъ ему играть и, когда жрецъ проигралъ, рассказалъ ему все случившееся. Жрецъ, воротившись домой, сталъ бранить жену. Жена отрицала все и утверждала, что ни одинъ мужчина не касался ея руки. Справедливость своихъ словъ она готова была подтвердить божьимъ судомъ. Жрецъ согласился на это. «Милая, обратилась тогда жена къ служанкѣ, когда я буду входить въ огонь, скажи сыну, чтобы онъ пришелъ туда и взялъ меня за руку». Та пошла и научила плута какъ дѣйствовать. Пришелъ на судъ плуть и сталъ въ тощѣ. Питомица, желая обмануть жреца, ставъ посреди народа, сказала: «Неключая жреца, я не знала прикосновенія руки другого человека. Если я говорю правду, пусть огонь не сожжетъ меня?». И стала входить въ огонь. Въ тотъ же моментъ плуть обратился къ народу: «Полюбуйтесь на дѣло жреца: такую женщину онъ посылаетъ въ огонь», — и схватилъ ее за руку. Жена, вырвавъ руку, обратилась къ мужу: «Господинь, свидѣтельство мое нарушено. Не могу входить въ огонь». Жрецъ тутъ только понялъ, что онъ обманутъ, и, прибивъ жену, прогналъ ее. — «Женщины недостойны довѣрія, неблагодарны!» поучаетъ другая легенда. Въ древности ракша Данава, даже проглотивъ женщину и сохраняя ее въ животѣ, не могъ уберечь. Было это такъ: «Въ древности, въ царствованіе въ Бенаресѣ Брахмадатты, Будда удался къ Гималайскимъ горамъ и тамъ достигъ ясновѣдѣнія и созерцанія. Невдалекѣ отъ него жилъ ракша Данава, который по временамъ приходилъ къ нему и слушалъ законъ, что не мѣшало ему однакожъ въ томъ-же лѣсу хватать и поѣдать людей. Въ то

время нѣкая дѣвушка-красавица изъ почтеннаго семейства въ Касійской сторонѣ была выдана въ отдаленную деревню. Однажды, когда она, побывавъ у отца съ матерью, возвращалась домой съ провожатыми, Данава набросился на ея спутниковъ, которые всѣ разбѣжались, оставивъ госпожу одну. Данава, увидавъ красавицу, влюбился въ нее, повелъ ее въ свою пещеру и тамъ женился на ней. Женившись, онъ сталъ ее питать масломъ, рисомъ, рыбою, мясомъ и сладкими плодами, нарядилъ ее въ красивыя платья, посадилъ ее въ ларецъ, чтобы сберечь, а ларецъ проглотилъ и носилъ въ животѣ. Однажды онъ пожелалъ выкупаться и съ этою цѣлю отправился къ озеру. Тамъ онъ, выбросивъ ларецъ, вынулъ оттуда жену, поставилъ ее около ларца и сказалъ: «выпрями тѣло». Самъ-же отошелъ отъ берега и началъ куцаться. Въ это время по воздуху летѣлъ съ мечемъ геній. Женщина, увидѣвъ его, подала знакъ: «подходи». Геній спустился и красавица спрятала его въ ларецъ, на который сама сѣла, ожидая прихода Данавы. Когда-же она увидѣла, что тотъ подходитъ, показавшись ему, она до его прихода открыла ларецъ, вошла туда и прикрыла собою генія. Данава-же, полагая, что тамъ одна жена, проглотилъ ларецъ и пошелъ домой. Но по дорогѣ ему вздумалось зайти къ подвижнику. Подвижникъ еще вдали, увидѣвъ его, узналъ, что въ его желудкѣ находятся двое, и сказалъ: «Откуда идуть трое? Добро пожаловать, садитесь здѣсь!» Данава, заинтересованный такимъ привѣтствіемъ, попросилъ у отшельника объясненія, и тотъ сказалъ: «Пришелъ ты одинъ, да жена твоя милая, посаженная въ ларецъ и проглоченная тобою; оберегаемая тобою въ животѣ, она наслаждается тамъ съ геніемъ». Данава, услышавъ это, подумалъ: «Геніи весьма искусны; если у него есть мечъ, онъ разрѣжетъ мнѣ животъ и убѣжитъ». И сильно испугавшись, онъ выбросилъ ларецъ, изъ котораго и вылетѣлъ геній, тотъ-же часъ исчезнувшій, а Данава въ назиданіе себѣ самому и потомству произнесъ слѣдующіе стихи: «Ты, свершающій тяжкіе подвиги, вѣрно прозрѣлъ; низки тѣ люди, которые во власти у женщинъ! Вотъ эта, хотя оберегалась мною

цѣною жизни, все-таки, измѣнивъ мнѣ, наслаждалась съ другимъ. Днемъ и ночью я за нею ухаживалъ, какъ за огнемъ подвижникъ, живущій въ лѣсу, а она, отступивъ отъ закона, согрѣшила. Не должно связываться съ женщинами. Я думалъ объ этой безнравственной: «Она моя», а она, отступивъ отъ закона, согрѣшила. Не должно связываться съ женщинами. Какъ можетъ довѣряться мудрецъ мысли: «Эту я хорошо охраняю». Нѣтъ! между вѣтренницами охраняемой. Онѣ то-же, что адскій омутъ. Тотъ идетъ къ бѣдствію, который въ нихъ влюбляется. Тѣ радостны, у тѣхъ нѣтъ скорби, кто отрѣшился отъ женщинъ. Желающей высшаго счастія, да не связывается съ женщинами!»

Однако, женскія хитрости и козни не всегда носятъ скабрсно-игривый характеръ. Случается, что дѣло заходитъ дальше и кончается не совсѣмъ благополучно для мужской стороны. У царя Ашоки, передаетъ одна легенда, былъ сынъ Кунала, отличавшійся красивою наружностью. Въ него влюбилась одна изъ женъ отца и, выбравъ удобное время, такъ призналась въ своей страсти: «При видѣ твоего очаровательнаго взгляда, твоего прекраснаго стана, твоихъ чудныхъ глазъ я вся горю какъ солома, истребляемая лѣснымъ пожаромъ». Но Кунала оказался болѣе огнеупорнымъ и на признаніе отвѣчалъ: «Не говори такъ своему сыну; вѣдь ты замѣняешь мнѣ мать; откажись отъ незаконной страсти, потому что эта любовь послужитъ для тебя дорогою къ аду. О мать! Я предпочту лучше умереть, только-бы остаться цѣломудреннымъ. Къ чему мнѣ жизнь, которая сдѣлается для многихъ людей предметомъ порицанія». И вотъ въ отвергнутой женщиной пламенная любовь переходитъ въ непримиримую ненависть, ненависть, которая кончается тѣмъ, что мачиха на семь дней захватываетъ въ свои руки царскую власть и отъ имени царя приказываетъ ослѣпить Куналу.

Нѣчто подобное-же передаетъ другая легенда. Во время жизни Будды у великаго министра царя Прасенаджиты родился сынъ, которому дали имя Миндугва. Когда Миндугва подросъ, то сдѣлался

такъ силенъ, что одинъ могъ побороть 1000 человекъ, и былъ такъ проворенъ, что ловилъ летающихъ по воздуху птицъ. Отецъ захотѣлъ дать ему образованіе и поручилъ его заботамъ одного мудреца-брамина, у котораго было до 500 учениковъ. Здѣсь юноша оказалъ такіе успѣхи, что въ одинъ день выучивалъ то, что другіе успѣвали выучить только въ годъ, почему учитель браминъ его особенно любилъ и особенно усердно съ нимъ занимался. Такъ какъ Миндугва былъ кромѣ того еще и очень красивъ, то жена брамина скоро влюбилась въ него и искала случая объявить ему о своей страсти. Такъ прошло много времени. Наконецъ, случай этотъ представился. Брамина и его учениковъ позвалъ къ себѣ на три мѣсяца одинъ домохозяинъ. Но такъ какъ оставить дома жену одну браминъ не рѣшался, то онъ поручилъ ей выбрать кого-нибудь изъ учениковъ и оставить съ собою. Жена брамина обрадовалась и просила оставить при домѣ Миндугву. Проводивъ мужа и его учениковъ, она нарядилась въ лучшія одежды и пустила въ ходъ все свое кокетство, чтобы прельстить юношу. Но послѣдній остался глухъ и нѣмъ ко всѣмъ ея ухищреніямъ. Тогда она рѣшила вести дѣло на чистоту и обратилась къ нему съ слѣдующими словами: «Хотя я давно влюблена въ тебя, но прежде не было случая; теперь же, когда учитель твой удалился и оставилъ тебя, теперь, когда насталъ случай одинокаго пребыванія вмѣстѣ, предайся любви». Но Миндугва съ твердостію отвѣчалъ: «Такъ какъ я браминъ и по закону браминовъ не долженъ имѣть общенія съ женою своего учителя, то я не былъ-бы браминомъ, если-бы сдѣлалъ что-нибудь подобное; я скорѣе готовъ умереть». И вотъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, въ отвергнутой женщинѣ любовь переходитъ въ ненависть, и она замышляетъ отомстить юношѣ. Узнавъ, что мужъ скоро воротится домой, она расцарапала себѣ лицо, разорвала одежды, запачкалась въ грязи и объяснила мужу, что эти побои причинилъ ей Миндугва. Оскорбленный учитель заставляетъ юношу совершить рядъ преступленій, за которыя тотъ едва не заплатился жизнью.

Но, конечно, на ряду съ дурными сторонами даже и предубѣжденный противъ женщинъ буддѣйскій ригористъ не могъ не замѣтить въ нихъ и хорошихъ сторонъ. И вотъ на ряду съ болѣе или менѣе грубыми выходками по адресу женщинъ, мы встрѣчаемъ уже въ древнѣйшихъ произведеніяхъ буддѣйской священ. литературы и типъ, или вѣрнѣе—попытку создать типъ идеальной женщины. Но на первыхъ порахъ рамки для этого идеала очень узки, что опять опредѣляется общими теоретическими воззрѣніями буддизма.

Какъ мы уже замѣтили выше, истинный буддистъ долженъ быть странствующимъ нищимъ, домою для котораго должно служить кладбище или лѣсъ, а пищей милостыня. Такъ какъ при обычномъ обходѣ города или села милостыню отшельникамъ подавали болѣею частію женщины, то въ сферѣ этой благотворительности буддѣйскія священ. книги прежде всего и признаютъ ея права. Буддѣйская идеальная женщина это—благотворительница, которая кормитъ, одѣваетъ и даетъ пріютъ десяткамъ отшельниковъ. Такой идеальный типъ мы находимъ въ свящ. книгахъ въ лицѣ Висаки, богатой горожанки города Вайшали, современницы Будды. Однажды она обратилась къ Буддѣ съ такою просьбой: «Восемь желаній имѣю я, владыко, высказать Великому.... Я желаю, владыко, въ теченіи всей моей жизни доставлять общинѣ дождевые плащи, чужимъ, пришлымъ монахамъ давать пропитаніе, давать его странствующимъ монахамъ, больнымъ братьямъ, ухаживать за больными, больнымъ же доставлять лѣкарство, одѣлать ихъ ежедневно рисовой кашей и снабжать одеждой для купанія общину монахинь.... Монахъ, приходшій изъ чужихъ мѣстъ, не знаетъ, владыко, ни улицъ, ни дорогъ; истомленный, долженъ онъ собирать подаваніе. Если-же онъ вкуситъ яствъ, которыя я предложу ему, онъ можетъ затѣмъ освѣдомиться объ улицахъ и дорогахъ и принятъ за сборъ подаваній послѣ отдыха. Такова моя цѣль, владыко, и вотъ почему въ теченіи всей жизни желаю я доставлять пропитаніе пришлымъ монахамъ. Такъ точно и странствующій монахъ, владыко, которому самому придется

снискивать себѣ пропитаніе, отстанеть отъ каравана, или поздно прибудеть туда, гдѣ предполагаетъ воспользоваться отдыхомъ; истомленный, будетъ онъ совершать путь свой. Если-же странствующій монахъ вкусить яствъ, которыя я предложу ему, онъ не отстанеть отъ своего каравана, не запоздаетъ прибыть туда, гдѣ предполагалъ воспользоваться отдыхомъ, и будетъ продолжать путь свой, предварительно отдохнувъ. Такова моя цѣль, владыко, и вотъ почему въ теченіи всей жизни желаю я доставлять пропитаніе странствующимъ монахамъ. Случалось, владыко, что монахини, совсѣмъ обнаженныя, купались въ рѣкѣ Ачировати въ одномъ мѣстѣ съ дурными женщинами. И дурныя женщины стали надсмѣхаться надъ монахинями: «Какой толкъ въ вашей святой жизни, пока вы молоды, достойнѣйшія? Развѣ не слѣдъ пользоваться усладами? Когда состаритесь, тогда и думайте о святой жизни; такимъ образомъ и настоящее, и будущее станетъ вашимъ». И монахини, слушая насмѣшки негодныхъ женщинъ, пришли въ смущеніе. Не подобаетъ, владыко, быть монахинѣ обнаженной. Вотъ что я имѣю въ виду, владыко, и вотъ почему желаю я въ теченіи всей жизни доставлять общинѣ монахинъ платья для купанья». И вотъ на эту просьбу, полную чувства гуманности и состраданія къ отшельникамъ, Будда отвѣчалъ: «Прекрасно, Висака, прекрасно поступила ты, обращаешь съ такою пресъбой».

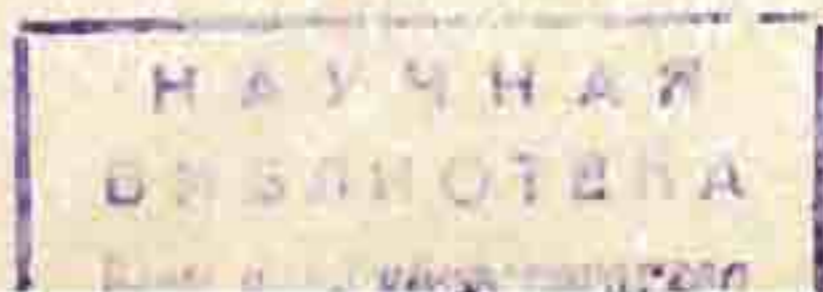
Позднѣйшія произведенія буддійской литературы идутъ далѣе и снисходятъ до признанія въ женщинѣ чувства самоотверженности и благородства. «Однажды въ странѣ Косала три человѣка пахали въ лѣсу. Въ то-же время около того-же лѣса разбойники ограбили людей и убѣжали. Ограбленные, ища разбойниковъ и не видя ихъ, пришли къ тому мѣсту, гдѣ пахали три человѣка, и сказали: нагнали въ лѣсу, а теперь стали пахать». Они связали мнимыхъ разбойниковъ и привели къ царю. Тогда жена одного изъ трехъ, плача и приговаривая: «дайте мнѣ покровъ, дайте мнѣ покровъ», стала расхаживать вокругъ царскаго жилища. Царь услы-

шалъ ея голосъ и распорядился дать ей покровъ. Слуги взяли одѣяніе и подошли къ ней, но она сказала:— «Не это я прошу, я прошу покрова мужа». — Слуги пошли и доложили царю: «Не тотъ покровъ она разумѣетъ, мужа покровъ она разумѣетъ». Царь позвалъ ее и спросилъ: «Ты просишь покрова мужа?» — «Да, царь, для женщины мужъ — покровъ; если мужа нѣтъ, то хотя-бы женщина одѣлась въ самое дорогое одѣяніе, она будетъ нага». Довольный ею, царь спросилъ: «Эти три человѣка кто тѣбѣ?» — «Одинъ мнѣ, о царь, — мужъ, другой — братъ, третій — сынъ». — «Я доволенъ тобою», сказалъ царь, — «изъ трехъ дарую одного, кого желаешь». — «Покуда я жива, о царь, мужа я могу достать, могу достать и сына, но, такъ какъ мои родители померли, трудно достать мнѣ брата, а потому даруй мнѣ, о царь, брата». — Царю понравился этотъ отвѣтъ и онъ отпустилъ всѣхъ трехъ.

Наконецъ, въ болѣе поздней литературѣ въ женщинѣ начинаютъ признаваться и другія достоинства: умъ, находчивость и пр. Типъ такой женщины рисуетъ одна изъ легендъ Улигэрунъ далай. Такъ какъ въ этой легендѣ въ то-же время удачнѣе другихъ легендъ рисуется и виѣшняя сторона жизни того общества, среди котораго создавались подобнаго рода легенды, то я постараюсь изложить ее подробнѣе, опуская лишь повторенія, неизбѣжныя въ восточныхъ разсказахъ.

«Однажды всесовершенный Будда», гласитъ эта легенда, «обиталъ въ Шравасті. Въ то-же время (въ томъ-же городѣ) у царя Гэгэна Илагукчи былъ царедворецъ по имени Куругэсунъ. Царедворецъ этотъ былъ очень богатъ и имѣлъ 7 сыновей. Такъ какъ шестеро изъ нихъ были уже женаты, младшій-же еще не былъ женатъ, то отецъ такъ думалъ о немъ: «я близокъ уже къ старости и смерти. Нужно бы найти младшему сыну хорошую жену». Былъ у того царедворца браминъ-пріятель. Встрѣтившись съ этимъ браминемъ и поговоривъ о томъ, о семъ, онъ попросилъ брамина: «Браминъ! У меня не женатъ еще младшій сынъ, а я теперь не

могу искать ему жену. Такъ какъ ты ходишь по разнымъ царствамъ, то присмотри умную и красивую дѣвицу для моего сына и посватай. Я тебя отблагодарю». Браминъ отвѣчалъ: — да будетъ такъ! и пошелъ искать по всемъ царствамъ. Придя въ царство Ширитидэ, онъ встрѣтилъ тамъ 500 дѣвицъ, которыя собирали цвѣты, чтобы поднести ихъ Буддѣ. Увидавъ этихъ дѣвицъ, браминъ последовалъ издали за ними. Вотъ онѣ подошли къ рѣчкѣ. Всѣ дѣвицы перебрали, снявъ свою обувь. Одна-же изъ нихъ не сняла обувь и брела обутая. Пошли онѣ дальше и пришли къ другой рѣчкѣ. Всѣ дѣвицы, чтобы перейти черезъ воду, сняли свои одежды. Прежняя-же опять перебрела, не снимая одежды. Еще пошли дальше и пришли въ лѣсъ. Всѣ дѣвицы собирали цвѣты, взбираясь на деревья; прежняя-же искала цвѣты на землѣ и нашла больше другихъ. Тогда браминъ подошелъ къ этой дѣвицѣ и спросилъ: «Дѣвица! я предложу тебѣ нѣкоторые вопросы. Отвѣтъ на нихъ хорошенько». Дѣвица отвѣчала: «Если есть какіе-нибудь вопросы, спрашивай». Тогда браминъ спросилъ: «Дѣвица! когда вы переходили ручей, всѣ сняли свою обувь; ты-же одна не сняла. Какая этому причина? Дѣвица отвѣчала: «Браминъ! когда я иду по сухой землѣ, я смотрю подъ ноги и вижу растенія, камни, кирпичи и пр. и обхожу ихъ. Въ водѣ-же я не могу видѣть ни змѣй, ни ядовитыхъ червей и могу причинить вредъ ногамъ. Поэтому-то я и не сняла обуви». Тогда браминъ спросилъ: «Почему, когда всѣ дѣвицы, переходя черезъ рѣку, сняли свои одежды, ты одна не сняла свою одежду?» Дѣвица отвѣчала: «Въ тѣлѣ каждаго человѣка есть много красиваго и безобразнаго. Если снять одежду, то люди, видя красивое, ничего не скажутъ, при видѣ-же безобразнаго, будутъ смѣяться. Поэтому-то я и не сняла своей одежды». «Но, спросилъ браминъ, почему когда всѣ дѣвицы взбирались на деревья и собирали цвѣты, ты одна не взбиралась на деревья». Дѣвица отвѣчала: «Если-бы я взбиралась на дерево, то вѣтви его могли обломиться, я упала-бы на землю и причинила-бы себѣ вредъ. Поэтому-то я и не взбиралась

на деревья». Тогда браминъ похвалилъ умъ дѣвушки и спросилъ, есть-ли у нея родители. Когда-же она отвѣчала утвердительно, браминъ изъявилъ желаніе познакомиться съ ними, и они пошли. Познакомившись съ отцомъ дѣвушки, браминъ расспросилъ, не сватана-ли она, и когда отецъ отвѣчалъ, что нѣтъ, браминъ рассказалъ о цѣли своего путешествія и спросилъ отца дѣвушки, отдасть-ли онъ свою дочь за сына вельможи Куругэсуна. Отецъ изъявилъ согласіе, и браминъ воротился въ Шравасти. Когда онъ отдалъ отчетъ о результатахъ своего путешествія вельможѣ, послѣдній приготовилъ лошадей и телѣги и вмѣстѣ съ друзьями отправился въ царство Шири-тикдэ за невѣстой. Отецъ невѣсты устроилъ пиръ и потомъ отдалъ дочь. При прощаньи мать невѣсты сказала ей: «Дочь моя, начиная съ этого времени и постоянно ты одѣвайся въ лучшія одежды, ѣшь хорошую пищу и постоянно смотришь въ зеркало». Совѣтъ этотъ, не понятый свекромъ и свекровью, не понравился имъ, но они все-таки взяли дѣвушку и пошли домой. По дорогѣ имъ встрѣтилась хорошая дача, въ которой свекоръ и свекровь отдыхали, когда ѣхали еще впередъ, и захотѣли отдохнуть въ ней и теперь. Но молодая невѣстка подошла къ свекру и сказала: «Въ этой дачѣ нельзя отдыхать. Благоволите поскорѣе выйти изъ нея». Они послушались и вышли. Но нѣсколько человѣкъ не захотѣли выйти. И вотъ вдругъ столбы у дачи подломились, она обрушилась и задавила бывшихъ тамъ людей. Тогда свекоръ подумалъ: «Невѣстка спасла меня отъ мученій», и сильно ее полюбилъ. Затѣмъ они пошли дальше и расположились въ долину, гдѣ были вода и трава. Здѣсь невѣстка снова подошла къ свекру и сказала: «Въ этой долину нельзя останавливаться. Уходите изъ нея скорѣе». Свекоръ исполнилъ совѣтъ. И вотъ пошелъ страшный ливень, и вся долина быстро наполнилась водою. Тогда свекоръ подумалъ: «Невѣстка снова спасла меня отъ смерти!» Затѣмъ они пошли дальше и пришли въ свою страну. Здѣсь вельможа устроилъ пиръ, а послѣ него собралъ всѣхъ своихъ невѣс-

токъ и сказала: «Я ужь старь, не могу управлять хозяйствомъ и передаю его вамъ. Кто изъ васъ будетъ хранить ключи и замки?» Шесть невѣстокъ отвѣчали, что онѣ не могутъ. Тогда выступила младшая невѣстка и заявила, что она можетъ, и свекоръ передалъ ей ключи и замки и завѣдываніе хозяйствомъ. И вотъ эта невѣстка каждое утро, вставъ рано, вымывъ домъ и приготовивъ пищу, сначала подавала ее свекру и свекрови, затѣмъ старшимъ невѣткамъ, потомъ рабамъ и рабынямъ, и наконецъ ѣла сама. Тогда свекоръ подумалъ: «эта моя невѣстка рѣшительно не походитъ на остальныхъ и не поступаетъ по совѣту своей матери при отбытіи ея изъ дому», и спросилъ ее: «Невѣстка! когда родители отпускали тебя изъ дому, то мать учила тебя одѣваться въ хорошую одежду, ѣсть лучшую пищу и постоянно смотрѣться въ зеркало. Что значили эти слова?» Невѣстка, преклонивъ колѣна на землю, отвѣчала: «Совѣтъ моей матери одѣваться въ лучшую одежду значить беречь и не пачкать свою верхнюю одежду и надѣвать ее, когда придетъ посторонній человекъ. Совѣтъ ѣсть всегда лучшую пищу значить то, что самая вкусная пища та, которую ѣдятъ всѣ и находятъ вкусной. Наконецъ, совѣтъ смотрѣться въ зеркало значить не то, чтобы смотрѣться въ бронзовое или желѣзное зеркало, а то, чтобы вставать рано, мыть домъ и готовить сидѣнья».

Прошло нѣсколько времени. Случилось, что въ то царство начала прилетать изъ-за моря птица, приносила каждый разъ по зерну риса, садилась на царскій дворецъ и роняла эти зерна во дворецъ. Зерна эти кто-то нашелъ и поднесъ царю. Царь подумалъ, что этотъ рисъ — лѣкарство, раздѣлилъ его между своими вельможами и приказалъ его посѣять. Получилъ часть рисовыхъ зеренъ и вельможа Куругэ-сунъ, воротился домой и велѣлъ невѣткамъ ихъ посѣять. Невѣстка приказала хорошенько приготовить пашню, посѣяла сѣмена и рисъ далъ обильные плоды. Прочіе же вельможи не позаботились хорошо посѣять сѣмена. Въ это время заболѣла царица. Врачи, изслѣдовавъ болѣзнь, объявили царю: «Царь! для излѣченія болѣзни царицы нѣтъ другого

средства кромѣ сѣмянъ риса, принесенныхъ изъ за моря. Тогда царь вспомнилъ, что давалъ вельможамъ сѣять сѣмена риса, принесенныя изъ за моря, и спросилъ, принесли-ли сѣмена плоды. Одни вельможи говорили, что они совсѣмъ не сѣяли ихъ, другіе, что посѣянное сѣли мыши. Рисъ оказался выросшимъ только у вельможи Куругэсуна, благодаря заботамъ его невестки. Куругэсунъ принесъ этотъ рисъ царю, царица поѣла его и вылѣчилась, а царь щедро наградилъ услужившаго ему царедворца.

Прошло нѣсколько времени и умная невестка вельможи оказала ему и царю еще нѣсколько важныхъ услугъ. Случилось, что царь этого царства и царь царства Шири-тигдэ поссорились и начали строить другъ другу козни. Вотъ однажды царь царства Шири-тигдэ, желая испытать, есть-ли у цари города Шарвасти умные и мудрые вельможи, послалъ ему двухъ похожихъ одна на другую небесныхъ кобылъ и просилъ угадать, которая изъ нихъ мать и которая дочь. Царь собралъ вельможъ, но никто изъ нихъ не могъ угадать. Былъ на этомъ собраніи и вельможа Куругэсунъ. Воротившись домой, вельможа разсказалъ обо всемъ случившемся невесткѣ и та сказала: «Разгадать эту загадку весьма легко. Этихъ двухъ кобылъ нужно поставить вмѣстѣ и дать имъ хорошей травы. Мать самую лучшую траву будетъ отталкивать рыломъ дочери, по этому ихъ и можно будетъ распознать». Вельможа пошелъ и передалъ эти слова царю, и загадка была разгадана. Затѣмъ царь царства Шири-тигдэ послалъ царю царства Шравасты двухъ одинаковыхъ змѣй и просилъ узнать, которая изъ нихъ самецъ и которая самка. Снова царь собралъ своихъ вельможъ и снова они не могли угадать. Тогда Куругэсунъ опять передалъ загадку невесткѣ и та сказала: «Угадать это легко: нужно разодрать мягкую ткань и положить на нее змѣй. Самка будетъ лежать на ней неподвижно, самецъ-же будетъ ползать туда и сюда. Если спросить почему это, то потому, что самки любятъ мягкое и нѣжное, самцы-же не любятъ мягкаго и предпочитаютъ твердое и жесткое». Вельможа передалъ эти слова

царю и загадка снова была отгадана. Послѣ этого царь царства Шири-тигдэ прислалъ царю Шарвасти двѣ гладкія палки и просилъ угадать, гдѣ у нихъ вершина и гдѣ комель. Царь по прежнему позвалъ вельможъ и они не могли угадать, а вельможа Куругэ-сунъ, воротившись отъ царя, по прежнему передалъ все случившееся невѣсткѣ и та сказала: «Разгадать это весьма легко: нужно положить эти палки въ воду. Тогда вершины ихъ будутъ плавать по верху, а комли тонуть». Вельможа слова эти передалъ царю и загадка по прежнему была разгадана.

Но присматриваясь ко всѣмъ этимъ легендамъ, въ которы хъ воздается должное уму и сердцу женщины, не трудно замѣтить, что всѣ эти рассказы какъ-то случайны, тогда какъ общее воззрѣніе на женщину, какъ на зло, проникаетъ всю буддійскую литературу и выражается, между прочимъ въ томъ, что великодушно предоставляя женщинамъ право возрождаться въ низшихъ перерожденіяхъ, буддизмъ совершенно устраняетъ ихъ изъ высшихъ небесныхъ царствъ, гдѣ существуютъ одни только мужчины, а женщины, если и удостоиваются попадать сюда, то перерождаются мужчинами. Затѣмъ такое-же воззрѣніе на женщину, какъ на существо злое и неспособное къ буддійскому совершенствованію, выразилось между прочимъ и въ осужденіи Ананды на первой буддійской сходкѣ. Именно Ананду обвиняютъ здѣсь, во-первыхъ, за то, что онъ упросилъ Будду допустить женщинъ въ общину отшельниковъ, а во-вторыхъ, что онъ вмѣстѣ съ женщинами поклонился тѣлу Вѣщаго и слезы послѣднихъ осквернили его тѣло.

Таковы воззрѣнія буддійской священной литературы на женщинъ. Казалось-бы, что положеніе женщины въ буддійскихъ странахъ должно быть поэтому очень тяжелымъ. Но на самомъ дѣлѣ мы не видимъ этого. Да и едва-ли когда-нибудь воззрѣнія буддійской литературы во всей своей широтѣ примѣнялись въ практической жизни, особенно въ такихъ странахъ какъ Китай, гдѣ семейное начало очень сильно, и гдѣ женщина, какъ мать, пользуется уваженіемъ наравнѣ съ мужчиной.

М. Подгорбунскій.

С М Ъ С Ъ.

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ.

Чужеземные народы у китайских историков
Густава Шлегеля.

(Изд. изъ Тунгъ-пао, т. I, № 5—пер. съ Француск).

I.

ВЕНЬ-ЧИНЬ-КУО.

Страна татуированныхъ.

«Вень-чинь» буквально значитъ «тѣло, украшенное фигурами», т. е. татуированное. Такое названіе было дано китайцами народу, о которомъ впервые начали говорить въ Китаѣ при династии Лиан'говъ, 502-586 гг. нашей эры. Эта страна находилась на разстояніи болѣе семи тысячъ ли къ С. В. отъ Япоши. Жители ея были полосаты, какъ и некоторые дикіи животныя. У каждаго на дѣу было обязательно по три полосы; полосы большія и пріимы отмѣчали людей знатныхъ, маленькія и пріимы — простой народъ. Народонаселеніе было очень живаго темперамента.

Все необходимое въ жизни тамъ въ изобиліи и очень дешево, такъ что путешественникъ не считаетъ нужнымъ возить съ собой провизію. Жители живутъ въ домахъ, но у нихъ нѣтъ укрѣпленныхъ городовъ. Жилище короля украшено золотомъ, серебромъ и высканными драгоценностями. Вокругъ этого жилища идетъ ровъ, шириною въ 10 фут., наполненный ртутью; когда идетъ дождь, вода падаетъ на ртуть. За покуску они расплачиваются драгоценными камнями. Легкіе проступки наказываются кнутомъ или палкой; важныя преступленія бросаются на съѣденіе дикимъ звѣремъ, и, если они осуждены были ошибочно, то животныя ихъ не трогаютъ и удаляются. Проведенная такимъ образомъ ночь доставляла прощенье.

Въ «эциклопедіи трехъ государствъ» говорится то-же самое, но только королю. Безъ приведеннаго свидѣнія было-бы очень трудно опредѣлить мѣсто, гдѣ находилась «страна татуированныхъ», такъ какъ вообще всѣ обитатели острововъ Японскаго моря или татуируются или же татуировались раньше. Такъ, тѣ-же японцы, которые впоследствии бросили этотъ обычай, практиковавшійся въ наши дни только Веттоа-ами, или кинюхами, татуировались еще во времена династии Тонгъ-анъ, 256 г. нашей эры. Мужчины, говорятъ историкъ, татуируютъ лицо и разрисовываютъ тѣло, безъ различія по чинамъ. При позднѣйшихъ временахъ, въ 56 году нашей эры, отмѣчено, что мужчины

въ Японіи татуируютъ лицо и разрисовываютъ тѣло; высокопоставленныхъ лицъ отъ простонародія различаютъ тамъ по большей или меньшей татуировкѣ, или по тому, съ какой стороны она расположена.

У айносовъ татуируются только женщины; весьма возможно, что нѣкогда татуировались и мужчины, но въ настоящее время объ этомъ не сохранилось данныхъ.

Въ обычаѣ татуироваться было также у коряковъ, эскимосовъ и алеутовъ. Наконецъ, отъ Iezo до Гренландіи встрѣчаются только два племени, которыя не татуировались, это: гиляки и *itulmènes* на Камчаткѣ. Было время, когда обычай татуироваться существовалъ у всѣхъ тунгусскихъ народовъ. Еще Маакъ нашелъ, что почти всѣ мужчины и женщины въ деревнѣ *Silbi* на Амурѣ, при устьѣ Сунгари, были татуированы.

De Guigner, благодаря невнимательному чтенію отчетовъ о путешествіи древнихъ голландцевъ, полагаетъ, что разрисованные люди жили на островѣ Iezo и, между прочимъ, говоритъ, что голландцы встрѣтили тамъ (т. е. на Iezo) землю, принадлежащую къ минераламъ, которая блестѣла, какъ серебро, и, будучи обыкновенно рыхлою, твердѣла, какъ только въ нее подливали воды. Это то, прибавляетъ онъ, что китайцы принимали за ртуть. Между тѣмъ, голландскіе изслѣдователи эту землю, похожую на ртуть, нашли не на Iezo, но на Урупѣ, одномъ изъ острововъ Курильскаго архипелага, лежащемъ, по измѣреніямъ Головинна, на С.-В. отъ Японіи между $45^{\circ}31'$ и $46^{\circ}10'$ сѣв. шир. и $149^{\circ}34'$ — $150^{\circ}22'$ вост. долг. (отъ Гринвичскаго меридіана).

Это тотъ самый островъ, гдѣ *Vgies* открылъ высокую гору, состоявшую цѣликомъ какъ-бы изъ руды и содержащую, казалось, серебро, въ силу чего онъ и назвалъ ее «Рудной горой». De Bakker описалъ эту руду, какъ хрящеватую землю, похожую на бѣлую сукновальную глину, которая, будучи нѣсколько разъ промыта, давала маленькіе, съ булавоочную головку, кусочки металла, похожаго на серебро.

Ясно, что De Guigner смѣшалъ остр. Урупъ съ остр. Iezo; это тѣмъ болѣе странно, что Iezo находится не на С.-В. отъ Японіи, гдѣ, какъ сказано, располагалась страна Венъ-чинъ, но на С.-З. отъ нея, и, такимъ образомъ, если-бы *T. Leland* провѣрилъ слова De Guigner'a, ему не пришлось-бы заявлять, что онъ его не понимаетъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что капитанъ *Vgies* окрестилъ островъ Урупъ именемъ «Страны компаніи» (*Compagnyslant*) и что онъ оформилъ владѣніе имъ Остъ-Индской компаніею черезъ поставку на возвышенномъ холмѣ деревяннаго креста съ надписью: anno 1643. Когда онъ открылъ островъ, на немъ не было жителей, но тамъ нашли хижины и скелетъ, передъ которымъ висѣла сабля. Фонъ-Зибольдъ говоритъ, что у древнихъ айносовъ былъ обычай надъ могилой покойнаго,

вѣшать его саблю. А такъ какъ затѣмъ помянутый выше обычай,—отмѣчать анатомію линіями на лбу,—присущъ вообще всѣмъ обитателямъ острововъ Японскаго моря, слѣдовательно и жителямъ Урупа, то само собой разумѣется, что Венъ-чинъ принадлежали къ расѣ, родственной древнимъ аиносамъ, которые когда-то занимали почти всю Японию и были лишь оттѣснены отсюда къ сѣверу новыми завоевателями.

Во времена Лиангъовъ, (VI в. по Р. X.) страна эта (Венъ-чинъ) была заселена и находилась въ цвѣтущемъ состояніи. 3 сентября 1854 г. Франція завладѣла остр. Урупомъ и дала ему названіе—Alliance (соединеніе).

До этого времени русскіе уже завладѣвали имъ и вели тамъ выгодную торговлю съ аиносами и японцами, являвшимися туда для рыбной ловли.

Мы описали сначала эту страну, потому что разъ опредѣлено ея географическое положеніе, понятъ описаніе «Страны женщинъ», помѣщенное ниже, будетъ гораздо легче. Объ этой странѣ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ, гдѣ приведемъ доказательство, что остр. амазонокъ также слѣдуетъ искать въ группѣ Курильскихъ острововъ.

II.

НИУ-КУО.

Страна женщинъ.

Всѣ народы древности, на Востокѣ и Западѣ, говорятъ о той или другой странѣ, обитаемой только женщинами. Поэтому не удивительно, что объ этомъ говорили и китайцы; и ихъ исторія, частная и официальная, ихъ поэты, писатели богаты сказаніями о странахъ женщинъ, которыя встрѣчались на Западѣ, Востокѣ и Югѣ Китая. Мы начнемъ съ Страны женщинъ, находившейся къ Востоку отъ Китая, потому что первое упоминаніе объ ней принадлежитъ тому самому буддійскому шаману, Хоей-чинъ-у, который открылъ намъ существованіе Фу-сангъ-а; впрочемъ онъ не посѣщалъ ее лично, а говоритъ только по наслышкѣ. Мы представляемъ читателю его рассказъ, записанный въ официальныхъ лѣтописяхъ династіи Лиангъовъ. По этимъ лѣтописямъ, шаманъ Хоей-чинъ пришелъ въ первомъ году періода Гунгъ-іуенъ династіи южныхъ Тси (499 г. нашей эры) въ Кинг-чжеу, тогда столицу Фу-сангъ-а, и рассказалъ, что за тысячу ли къ востоку отъ Фу-санга, находилась Страна женщинъ; что эти женщины имѣли очень красивую, правильную наружность и были очень бѣлы, хотя ихъ тѣло было волосато, а волосы на головѣ такъ длинны, что возмочились

по землѣ; что во второмъ или въ третьемъ мѣсяцѣ*) онѣ окунались въ воду и дѣлались отъ этого беременными; что онѣ рожали на 6-мъ или 7-мъ мѣсяцѣ. Что эти женщины не имѣли вовсе грудей, но что сзади у нихъ росли волосы и изъ одного изъ этихъ бѣлыхъ волосъ выходила жидкость, служившая кормомъ для дѣтей. «Эти дѣти, продолжаетъ Хоей-чинъ, могутъ ходить черезъ сто дней послѣ рожденія, изъ чего я заключилъ, что они становятся взрослыми съ 3-хъ или 4-хъ лѣтняго возраста. Если женщины замѣтятъ мужчину, то въ испугѣ скрываются, ибо рабски боятся своихъ мужей. Онѣ питаются соляными растеніями, какъ дикія животныя. Листья этихъ растеній походятъ на листья «Хао душистый»; они благоуханны, но имѣютъ соленый вкусъ».

«Нанъ-чи», откуда *Ма-тоанъ-линь* извлекъ свою замѣтку, продолжаетъ затѣмъ: «Въ 6-мъ году періода *Т'іенъ кіенъ Лиані'овъ* (507-мъ г. нашей эры) одинъ человекъ изъ *Тсинъ-нанъ'а* (провинція Фу-кіен'а), переѣзжая черезъ море, былъ занесенъ бурей на одинъ островъ. Выйдя на берегъ, онъ нашелъ тамъ жителей, женщины которыхъ походили на китаянокъ, но языкъ которыхъ былъ ему непонятенъ. Мужчины были съ человѣческимъ туловищемъ, но съ собачьими головами; голоса ихъ походили на лай. Пища ихъ состояла изъ маленькихъ бобовъ, а одежда казалась сдѣланной изъ матеріи; жилища ихъ строились изъ мятой глины, со входомъ въ видѣ пещернаго отверстія и т. д.»

Въ дѣйствительности, это единственное свѣдѣніе, которое мы нашли о странѣ женщинъ къ С.-В. отъ Китая. Помянутая выше энциклопедія позволяетъ прослѣдить вѣчто подобное сказанному Хоей-чиномъ по длинной исторіи *Кіісн*, рассказанной при дворѣ императора Ву знаменитымъ герцогомъ *Кіісн*. Но было-бы бесполезно воспроизводить ее здѣсь, во-первыхъ, потому, что она трактуетъ о царствѣ женщинъ, лежавшемъ на С.-З. отъ Китая и не имѣетъ ничего общаго съ страной женщинъ къ С.-В. отъ него; а затѣмъ потому, что она уже была переведена профессоромъ Гервеемъ (въ Сенъ-Дени) въ его мемуарѣ о Фу-санг'ѣ, опубликованномъ въ 1876 году. Впрочемъ, этотъ рассказъ *Кіісн*'а полонъ выдумокъ и преувеличеній, такъ что весь дворъ смѣялся надъ нимъ, говоря, что онъ рассказываетъ небылицы, вродѣ тѣхъ, которыя изложены въ «9-ти островахъ *Тзао-іенъ*» или въ «Колосьяхъ *Ванъ-кіа*». Мы укажемъ только серьезное возраженіе, которое ему сдѣлалъ директоръ народнаго образованія, первый историкъ лѣвой династіи, *Ванъ-іунъ*.

«То, что сказано въ Лѣтописи (объ одномъ народѣ) къ востоку отъ страны женщинъ, къ западу отъ Таан-іэ и къ югу отъ страны собакъ,

*) Мартъ, апрѣль.

относится къ племени «*Кянъ-джуни*», гдѣ женщина была царицей, но все не къ женщинамъ (какъ вы сейчасъ сказали), которыя выходятъ замужъ за змѣй». Какъ видно, китайцы VI вѣка не были такъ легковѣрны, какъ можно было думать, и они искали по меньшей мѣрѣ вѣроятнаго рѣшенія, говоря, что это относилось къ странамъ, управлявшимся царицей, вмѣсто царя.

Сказанное Ма-Тоанъ-линъ-омъ въ приведенной статьѣ о приключеніи китайскаго моряка изъ Тсунъ-пана не касается вовсе «Страны женщинъ» Хоей-чинъ-а, потому что тамъ говорится и о мужчинахъ и женщинахъ. Объ этомъ островѣ мы скажемъ ниже.

Но есть другой разсказъ, который къ ней относится и который Ма-тоанъ-линъ помѣстилъ въ главѣ *Вуръ-тсу* или *Октсо*.

Онъ говоритъ: «*Ихъ-леу* (Ипло) любятъ дѣлать на своихъ корабляхъ морскія нападенія. Сѣверные Вухъ-тсу ихъ боятся..... Вангъ-к'ингъ, посланный для преслѣдованія короля Кунга, доѣхалъ до ихъ восточной границы, спрашивая стариковъ этой страны, — нѣтъ-ли еще людей къ востоку отъ моря, — и получилъ въ отвѣтъ, что нѣсколько ихъ соплеменниковъ отправились въ море на рыбную ловлю, но были застигнуты бурей и, гонимые вѣтромъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, пріѣхали, наконецъ, на одинъ островъ; что на этомъ островѣ были люди, но что они ихъ не понимали; что этотъ народъ имѣлъ обычай *погружать, въ 7-мъ мѣсяцъ* *), *дѣвизъ въ море*. Они разсказывали еще, что въ морѣ есть страна, обитаемая исключительно одними женщинами и пр. и пр.»

У аиносовъ было такое-же преданіе, съ той только разницей, что женщины на этомъ островѣ были людоедки и убивали мужчинъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе возлѣ острова, предварительно прельстивъ ихъ. Другіе говорятъ, что эти женщины *становятся беременны, выходя изъ купанья и обращаясь лицомъ противъ южнаго или, согласно аиносамъ, восточнаго вѣтра*.

Въ этихъ разсказахъ замѣчается два рѣзкихъ различія: въ одномъ вопросъ касается странъ, гдѣ есть и мужчины, и женщины, въ другомъ говорится объ островахъ, исключительно обитаемыхъ женщинами.

Мы начнемъ съ первыхъ; и тотчасъ-же найдется примѣта, по которой можно узнать ихъ мѣстоахожденіе. Хоей-чинъ говоритъ: «женщины Страны женщинъ ѣли соленыя растенія, какъ дикія животныя». Не трудно догадаться, что это видъ того морскаго растенія, которое еще и теперь составляетъ изысканное блюдо всѣхъ аиносовъ, японцевъ и китайцевъ. Мы говоримъ о водорослѣ *Fucus esculentus*, называемомъ китайцами «*Хайтай*» —

*) Августъ.

«Морская лента». Капитанъ Vries, стоя на якорѣ въ проливѣ между Урупомъ и Утурузунгомъ, носящемъ его имя, говоритъ: «Она растеть здѣсь у берега моря; стебель у нея пустоствольный и имѣеть въ длину до 9-ти маховыхъ сажени. Очень часто эти стебли совершенно перепутываются между собой; подѣ получившейся такимъ образомъ порослью ютятся тысячи тюленей, ламантинговъ и дельфиновъ». Фонъ-Зибольдъ прибавляетъ: «Эта водоросль есть ничто иное, какъ *Fucus esculentus*, которая растеть также на берегу Iezo и достигаетъ длины въ 50 футовъ и ширины въ 1 футъ. Она часто находится очень близко отъ берега и встрѣчается всюду по Охотскому морю, какъ плавающая водоросль. Тамъ-же попадается одинъ пустоствольный видъ, описанный Агардомъ (*Species Algarum*, I, стр. 143), какъ *Alaria fistulosa*, и въ которомъ д-ръ Е. П. Рупрехтъ призналъ видъ *Phasgonum*. Этотъ ботаникъ описалъ *Fucus esculentus* какъ *Phasgonum alatum*.

Эрманъ нашелъ на берегу Охотска отрывки этой водоросли, имѣвше въ длину болѣе 50 футовъ. Она служитъ пищею *Phoca nautica*, равно какъ и приморскимъ тунгусамъ въ минуты голода. *Fucus esculentus*, называемый японцами Комбу (или Кумбу-муи) употребляется обыкновенно въ пищу японцами, имѣеть очень пріятный вкусъ и считается питательнымъ и здоровымъ. Семидесятилѣтній старикъ Токнаи увѣрялъ фонъ-Зибольда, что обязанъ сохраненіемъ своего здоровья, во время долгаго пребыванія на Iezo и Крафто, именно этой водоросли. Китайцы также цѣнятъ эту водоросль, и ежегодно изъ Нагасаки въ Шанхай вывозится до 51000 р., на сумму 170000 тэлей*). На Iezo и Курильскихъ островахъ существуютъ особыя тони для ловли водоросли, которыя поощряются и протежируются правительствомъ.

Китайцы называютъ крупный видъ ну-кванъ «Raban de linge» и лунъ ну Linge en filet; какъ предметъ торговли онъ называется Хайфанъ «Морская вермишель».

И такъ сказанное Хоей-чин'омъ относится слѣдовательно къ женщинамъ приморскихъ тунгусовъ, жившихъ на Курильскихъ островахъ и употреблявшихъ въ пищу водоросль, которая, какъ мы видѣли, очень питательна и здорова. Замѣтимъ, между прочимъ, что многіе прибрежные рыбаки въ Британіи также ѣдятъ водоросли, какъ овощи.

Мы не знаемъ, были-ли курильцы VI вѣка такъ ревнивы, что ихъ женщины бѣжали иностранцевъ, но, во всякомъ случаѣ, какъ изъ наблюденія Хоей-чина, такъ и свѣдѣнія, добытаго Вангъ-к'ин'омъ, ясно вытекаетъ, что въ Странѣ жевщицъ были мужчины; и такимъ образомъ идея объ Амазоніи является вымышленною и ее слѣдуетъ отбросить. Что онъ при-

*) Два лота серебра въ Китаѣ.

надлежали къ аиноской расѣ, которая населяла все Курильскіе острова, слѣдуетъ изъ наблюденія Хоей чина, что у нихъ тѣло было волосато, хотя кожа бѣлая.

Хоей-чинъ утверждаетъ еще, что эти женщины бросались въ воду во 2-мъ или 3-мъ мѣсяцѣ (полов. марта или полов. апрѣля), чтобы забеременѣть, и что онѣ рожали въ 6—7-мъ мѣсяцѣ (пол. іюля и пол. августа). Въ рассказѣ, приведенномъ Вангъ-кхин'омъ, это смягчается тѣмъ, что тамъ говорится только о томъ, какъ обитатели острова женщины погружаютъ дѣвицъ, въ 7-мъ мѣсяцѣ, въ море; но ни слова не сказано, что онѣ дѣлались отъ этого беременны.

Для объясненія этого мы должны теперь оставить область антропологій и перенестись въ область зоологій. *Fucus esculentus* служитъ въ пищу не только людямъ, обитающимъ на Курильскихъ островахъ, но также (и исключительно) тюленьямъ, особенно тюленьямъ съ ушами изъ рода *Otaria*.

Фонъ-Зибольдъ, какъ обитателей Іезскаго моря, между прочимъ отмѣчаетъ: *Phoca oceanica*, называемаго аиносами Ситукари; *Ph. jubata* (Yai thukari); *Ph. pinnularis* (Keschö); *Otaria ursina* (Оппер), морскихъ львовъ *Otaria Stelleri* (Thukara) и морскихъ выдръ *Enhydris marina* (Ракко).

Въ 1622 году, dr. Hieronymus de Angelis написалъ длинное письмо, въ которомъ описываетъ нравы и пр. Іезс'скихъ аиносовъ; письмо это опубликовано Николаемъ Витсеномъ въ его книгѣ «Noord-Oost Tartarija» (томъ II, стр. 57). Тамъ между прочимъ сказано: «властитель Матемаи увѣрялъ меня, что жители Ессо покупали кожу рыбы, которую они называютъ Рассон, (*Enhydris marina* или морская выдра), на трехъ близлежащихъ островахъ, жители которыхъ не носили вовсе бороды и говорили на языкѣ различномъ отъ языка Ессо; но онъ не зналъ, гдѣ находились эти острова на сѣверъ или на югъ отъ Ессо! Острова-же эти суть: Урупъ, Jhimoshigi и Ракко, Курильской группы; согласно прекрасной японской картѣ страны сѣверныхъ аиносовъ, находящейся въ этнографическомъ музеѣ въ Лейденѣ, они изобилуютъ морскими выдрами (Ракко), черными лисицами, орлами и дикими гусями. Вотъ почему островъ Урупъ названъ также «Островомъ морскихъ выдръ», по аиноски—Ракко, имя болѣе присущее маленькому островку къ востоку отъ Урупа. На той-же картѣ указано, что морскія выдры встрѣчаются въ изобиліи тоже на островахъ: Кетоѣ, Расхау, Уанкелчигирои Ребунчигирои, между Урупомъ и Шимошири; они соответствуютъ островамъ Broughton и Togroу нашихъ картъ.

Теперь посмотримъ, что говорятъ натуралисты объ обычаяхъ тюленей, которыми изобилуетъ это морское пространство. *Phoca ursina* достигаютъ въ длину до 8-ми футовъ и, когда весной они приплываютъ къ

Камчаткѣ или Курилин, то бываютъ очень жирны. Самки прибываютъ уже беременными и мечутъ дѣтей въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, которые онѣ проводятъ на берегу, окруженныя 50--80 самцами—многоженцами, *оберегающими ихъ съ величайшей ревностью*. Часто бываетъ, что самцы обижаютъ своихъ самокъ, очень покорныхъ, величайшей жестокостью. Морскіе львы (*Otaria jubata*) выходятъ на землю только для того, чтобы родить дѣтенышей, и въ теченіи этого періода, продолжающагося нѣсколько мѣсяцевъ, стерегутся строго своими самцами. Тюлени—самки, собственно говоря, не имѣютъ грудей, а соски (четыре штуки) у нихъ темнаго цвѣта, расположены въ 2 ряда вдоль подбрюшницы и совершенно незамѣтны, такъ какъ скрыты въ густой шерсти.

Самцы морскаго медвѣдя (*Callorhinus ursinus*) выходятъ на острова 1-го или 5-го мая; самки же являютъ только 12—15-го Іюня и мечутъ дѣтей тотчасъ по выходѣ на сушу. Онѣ кормятъ дѣтей, лежа на боку. Черезъ два дня послѣ родовъ у самокъ начинается уже течка и онѣ допускаютъ самцовъ. Сокоупленіе производится, какъ у людей: самка ложится на спину, самецъ на нее. Время течки продолжается отъ 10—15 Іюня до конца Августа—и проводится на сушѣ. Иногда самцы приплываютъ даже въ началѣ апрѣля.

Стеллеръ говоритъ, что тюлени сокоупляются весной и родятъ одного, рѣдко двухъ, дѣтенышей. Тунгусы ихъ доятъ и даютъ молоко своимъ дѣтямъ, какъ лекарство. Эти животныя очень привязаны къ своимъ дѣтенышамъ и, въ случаѣ кражи ихъ, *проливаютъ изъ глазъ слезы*, точно люди.

«Морской левъ, говоритъ Choris, не опасенъ; при приближеніи чело-вѣка онъ убѣгаетъ, исключая времени съ половины мая до половины іюня, когда у самокъ наиболѣе сильная течка и когда онѣ родятъ дѣтей».

Всѣ эти наблюденія нашихъ путешественниковъ и натуралистовъ подтверждаются также и китайцами. Они подраздѣляютъ тюленей на морскихъ собакъ (хай-ксу), морскихъ телятъ (ію ніу), морскихъ коровъ (хай-ніу), морскихъ львовъ (хай-пао); морскихъ же выдръ они называютъ *хай-тааъ, хай-нинъ* или *хай-пекъ*.

Въ «Топографіи страны Т'енъ» сказано, что морскія коровы, на коровьемъ островѣ, близъ Туинъ-лай'я мечутъ дѣтенышей въ 5-мъ мѣсяцѣ (въ іюнь); что онѣ походять на корову, но безъ роговъ; что онѣ краснаго цвѣта и воютъ, какъ тигры; лапы и зубы ихъ походять на тигриныя, но ноги какъ у *Emys megascerphala*; что хвостъ у нихъ, какъ у сома, и имѣетъ въ длину 1½ фута; кожа ихъ очень нѣжна и находитъ самое разнообразное употребленіе; *при видѣ челоювка онѣ скрываются въ море*; если ихъ ударить палкой по носу, то ими можно легко овладѣть.

Любопытный образъ жизни этихъ тюленей, ихъ ревнованіе своихъ самокъ, вѣжность, которую они простираютъ къ дѣтенышамъ, семейная жизнь, дали мѣсто у китайцевъ, равно какъ и у другихъ народовъ, вѣрованію въ сиренъ или морскихъ женщинъ. Авторъ «*Ланг-хоанг-ки*» говоритъ— «много разныхъ живыхъ существъ въ морѣ; но рыба съ человѣчьимъ туловищемъ—самое совершенное изъ нихъ».

«Морской человѣкъ—рыба», говоритъ другой авторъ, встрѣчается въ восточномъ морѣ (Японское). Самые большіе изъ нихъ достигаютъ длины въ 5—6 футовъ. Они очень похожи на человѣка, и ихъ брови, глаза, ротъ, носъ, пальцы, ногти и голова совершенно, какъ у красивой дѣвушки. Кожа и тѣло у нихъ бѣлы какъ яшма; они покрыты не чешуей, но многоцвѣтною, очень тонкою, легкою и шелковистою шерстью, длиною въ одинъ или въ два пальца. Ихъ волосы напоминаютъ лошадиную хвостъ и имѣютъ въ длину отъ 5-ти до 6-ти футовъ. Дѣтородныя части у нихъ ничѣмъ не отличаются отъ женскихъ, такъ что вдовцы и холостяки, живущіе близъ моря, ловятъ ихъ и держатъ въ прудахъ; они не находятъ никакой разницы между совокупленіемъ съ этими тюленями и женщиной, и это нисколько не вредитъ человѣку».

«Бѣлошерстая рыба», говоритъ еще одинъ авторъ, имѣетъ на головѣ волосы; она походитъ на бѣлую и толстую женщину и не покрыта чешуей».

Наконецъ, въ «книгѣ Мудрыхъ и Великихъ» написано, что шаманъ Тай-тши-тша, будучи посланъ въ Корею, увидѣлъ на пескѣ женщину, одѣтую въ красное платье о двухъ рукавахъ, съ растрепанными волосами и съ пучкомъ красныхъ волосъ на плечахъ. Тша отдалъ приказаніе снести ее въ воду, гдѣ она сдѣлала руками знакъ признательности и уплыла въ глубину. Это была сирена.

Авторъ ошибся: это была не сирена, но тюлень, какъ это показываетъ пучекъ волосъ, растущій на плечахъ.

Въ «Толкованіи разныхъ названій» говорится: *Бу-ну* изъ *Пенг-тсао* называется также *Ку-ну*. Это животное походитъ на лисицу, но гораздо больше и имѣетъ длинный хвостъ. У него имѣется на кожѣ три бѣлыхъ и желтыхъ волоса, выростающихъ изъ одного отверстія». Си-жунг'и говорятъ, что *Бу-ну* есть одинъ изъ видовъ рыбы съ свиной головой и съ двумя лапами. Тшин-Тс'ангъ-к'и, говоритъ, что *Бу-ну* у тунгусовъ называется *Атсунута*. Въ «Разсужденіи о свойствахъ медикаментовъ» его называютъ «Морской собакой».

Наблюденіе Стеллера, что тюлени плачутъ, если ихъ поймаютъ или украдутъ у нихъ дѣтенышей, наблюденіе, сдѣланное также и китайцами,

даетъ мѣсто сказанію, что сирены плачутъ жемчугомъ. «Одна сирена, говорится въ китайскомъ разсказѣ, жила въ глубинѣ воды, но появилась между людьми, гдѣ оставалась нѣсколько дней для продажи шелка. Послѣ ея исчезновенія, хозяинъ квартиры нашелъ вазу, наполненную выплаканными ею жемчугами и которую оставила ему гостя въ подарокъ».

Одинъ авторъ пишетъ: «сирены живутъ въ водѣ, какъ рыбы; онѣ непрерывно прядутъ, и слезы, которыя онѣ проливаютъ, превращаются въ жемчужины».

«Рыбави изъ *Хай-тисеу* (восточная Корея, 38°40' с. ш.) поймали полосатое животное съ рыбьимъ туловищемъ и съ головою тигра; у него были двѣ лапы съ тигринными пальцами и когтями; животное имѣло въ длину 8—9 футовъ. Увидѣвши (вокругъ себя) людей, оно сейчасъ-же пролило слезы. Черезъ нѣсколько дней оно умерло. Одинъ старикъ сказалъ: «я видѣлъ нѣкогда такого, его называютъ «властелиномъ морскихъ варваровъ». Очевидно, это былъ морской левъ (*Otaria Selleri*).

Въ этихъ различныхъ разсказахъ мы находимъ всѣ элементы баснословной части описанія Хоей-чин'а: длинные волосы, погруженіе въ море, клочки шерсти позади, бѣгство женщинъ при видѣ чужихъ мужчинъ, ревность самцевъ и т. д. и т. д. Факты и басни перемѣшаны въ его разсказѣ благодаря тому, что самъ онъ не посѣщалъ Курилію, а говоритъ объ ея туземцахъ со словъ аиносовъ Ессо и Крафто. Все вышесказанное одинаково относится и къ разсказу фукіенскаго моряка. Онъ видѣлъ на островѣ, къ которому присталъ, курильскихъ женщинъ, которыя ловили водоросль и были съ человѣчьимъ туловищемъ, но съ собачьей головою. Не ясно ли, что это тюлени (морскіе собаки, морскіе львы и т. п.), имѣющіе собачьи головы и лающіе по собачьи, что единогласно свидѣтельствуется всѣми европейскими путешественниками и натуралистами.

Женщины, о которыхъ говоритъ морякъ *), питались маленькими бобами, и жилища ихъ дѣлались изъ глины со входами, въ родѣ пещерныхъ; въ статьѣ о Камчаткѣ мы покажемъ, что эти бобы составляютъ пищу камчадаловъ, равно какъ и описанныя жилища построены по камчадалскому образцу.

На японской картѣ странъ сѣверныхъ аиносовъ, между островами Матуа и Ушири, подъ остр. Рашау, помѣщена такая замѣтка: «варвары живутъ въ пещерахъ и охотятся на морскихъ выдръ». Такимъ образомъ «Страна Женщинъ», помянутая Хоей-чин'омъ и морякомъ, вѣроятно находится или на этомъ островѣ или на одной изъ болѣе южныхъ острововъ Курильскаго архипелага.

*) Потерпѣвшій кораблекрушеніе.

Впрочемъ, приморскія женщины очень часто совершенно однѣ отправляются собирать водоросль и на рыбную ловлю. А островъ Кельпаръ, къ югу отъ Кореи, еще и теперь населенъ чѣмъ-то въ родѣ амазонокъ, которыя кажутся очень воинственны.

Въ «Retrospect of 1891 г. въ первомъ № новаго періодическаго изданія The Korean Repository, печатающагося въ Сеулѣ въ Корей, на стр. 34 сказано: «Политически Корея наслаждалась цѣлый годъ миромъ. Нѣсколько задирчивыхъ японскихъ рыбаковъ забрались въ священный домъ Кельпарскихъ женщинъ—рыбачекъ и вступили съ ними въ настоящую войну. Кровавое пролитіе было на столько свирѣпо, что съ обѣихъ сторонъ было потеряно нѣсколько жизней».

Это напоминаетъ храбрыхъ рыбачекъ изъ Etretat*), которыя моютъ господъ парижанъ, какъ купаютъ дѣтей. Для нихъ эти прекрасные франты совсѣмъ не мужчины.

Р. Шлегель.

О якутскихъ пѣсняхъ и пѣвцахъ.

Путешественнику, проѣзжающему по якутскимъ дорогамъ особенно въ болѣе многолюдныхъ мѣстностяхъ, удастся не разъ слышать заунывный якутскій напѣвъ. То запоетъ провожающій его ямщикъ, то—вдущій мимо путникъ, то работающій у дороги дровосѣкъ или собирающая хворостъ дѣвушка. Поютъ они по большей части про тотъ лѣсъ, который рубятъ, про топоръ, про коня, про проѣзжаго иностранца, про теплый, ожидающій ихъ въ концѣ пути ночлегъ и вкусную пищу, про все, что видятъ и слышатъ, что въ данный моментъ ихъ занимаетъ, нравится или огорчаетъ. Чаще всего это безыскусственныя импровизаціи тутъ-же слагаемыя и забываемыя, но еще чаще это просто одно слово, одинъ звукъ, куплетъ или отрывокъ мелодіи, повторимый безконечное число разъ, пріятный только для пѣвца, а для слушателя—досадный, какъ жужжаніе овода, какъ скрипъ немазанной якутской телеги.

Судить, однако, по этимъ отрывкамъ, пропѣтымъ иногда совершенно безголосыми людьми, о якутской пѣснѣ—было-бы ошибочно. У якутовъ есть и настоящія пѣсни, и настоящіе пѣвцы. Чтобы уразумѣть и оцѣнить обоихъ нужно прожить среди якутовъ долго и научиться понимать не только ихъ языкъ, но и ихъ міросозерцаніе и чувства.

Вначалѣ пріѣзжему всѣ туземные мотивы, какъ и туземныя лица, кажутся тождественными. Это не вѣрно: они разнообразны и, привыкнувъ къ нимъ, не трудно ихъ различать.

*) На берегу Ла-Манша; тамъ устроены бани, гдѣ моютъ женщины.

Прежде всего все пѣсни распадаются на два крупные отдѣла: мужскіе и женскіе. Затѣмъ каждая изъ этихъ группъ въ свою очередь заключаетъ самыя разнообразныя пѣсни: героическія, любовныя, описательныя, есть пѣсни игривыя, плясовыя, шаманскія, религіозныя, есть, наконецъ, торжественныя гимны, которые поются хоромъ.

Каждая группа и даже каждый родъ пѣсни имѣетъ свою физиономію, свои закрѣпленныя обычаемъ мелодіи, на фонѣ которыхъ дозволяется уже пѣвцу выводить свои собственные узоры. Чѣмъ узоры эти изящнѣе, чѣмъ голосъ пѣвца звучнѣе, а содержаніе его пѣсенъ затрогиваетъ чувства болѣе общія и глубокія—тѣмъ слава его громче.

Якуты очень любятъ слушать хорошее пѣніе, и пѣвцы ихъ видимо дорожатъ мнѣніемъ слушателей. Иногда они устраиваютъ между собою состязаніе. Собравшись случайно или нарочно въ чью-либо юрту, соперники поютъ попеременно, добываясь похвалы слушателей, стараясь взволновать ихъ. Иногда послѣдняго они достигаютъ въ меньшей степени, чѣмъ наши оперные пѣвцы: публика притихаетъ, женщины, разстроенныя, поблѣднѣвшія, толпятся кучей гдѣ-либо на лѣвой, женской половинѣ дома, мужчины задумчиво сидятъ вдоль стѣнъ на скамьяхъ. И хотя пѣсня уже умолкла, все говорятъ еще въ некоторое время шопотомъ, двигаются осторожно, точно не желаютъ спугнуть дорогого гостя на мгновеніе поствившаго ихъ сердца.

Мнѣ не разъ приходилось присутствовать при подобныхъ состязаніяхъ и слышать приговоры окружающихъ. Иногда мнѣнія раздѣлялись: «у этого слова хороши, но голосъ хуже, а у того голосъ хорошъ, но слова некрасивы!» или

— «Поеть... словно сердце изъ груди вынимаетъ!» Я замѣтилъ, что сужденія эти часто совпадали съ моими впечатлѣніями. Тоже самое, когда я спрашивалъ якутовъ о русскихъ пѣсняхъ и пѣвцахъ. Многаго, конечно, они въ нихъ не понимали, высокія за извѣстный предѣлъ ноты были для нихъ положительно недоступны и они называли ихъ просто «крикомъ», но относительно пріятности, мягкости или рѣзкости и фальшивости даннаго пѣнія мнѣнія ихъ рѣдко не сходились съ европейскими. Существуетъ, значитъ, въ музыкальномъ пониманіи обоихъ народовъ нѣчто общее, позволяющее имъ различать другъ у друга пѣсни хорошія отъ скверныхъ.

Между тѣмъ механизмъ пѣнія у якутовъ очень своеобразный и отъ европейскаго совершенно отличный. Поютъ они исключительно почти горломъ—гортанью. Мотивъ рѣдко состоитъ больше чѣмъ изъ двухъ-трехъ нотъ. Пѣніе чрезвычайно ритмично и ближе всего подходитъ къ нашему речитативу. Мѣстами оно нѣчто иное, какъ стройная, внятная скандовка съ сильнымъ придыханіемъ. Если правда, что древніе когда-то расцѣвляли Или-

яду и Одиссею; то они, я полагаю, должны были дѣлать это именно такъ, какъ теперь якуты поютъ свои знаменитые «олонго».

Якуты очень любятъ слушать музыку, особенно игру на скрипкѣ. У нихъ самихъ нѣтъ никакихъ музыкальныхъ инструментовъ, кромѣ «хамысъ», прибора, состоящаго изъ желѣзной рамки съ пружиной по серединѣ, на которой играютъ пальцами, взявши рамку въ губы и варьируя тоны помощью зубовъ и языка. Приборъ этотъ очень похожъ на мало-русскую «друмлю». Я видѣлъ его въ долинѣ Карпатскихъ горъ въ рукахъ пастуховъ. Интересно: принесенъ онъ туда изъ Азии или, наоборотъ, пробрался на дальній сѣверо-востокъ Старого-Свѣта при помощи казаковъ-завоевателей. Акомпаниментъ на «хамысъ» невозможенъ, и серебрястые, нѣжные его звуки пѣвецъ вставляетъ въ пѣсню только какъ украшенія, какъ удары кимвала въ оркестрѣ. Впрочемъ, я знаю одну пѣсню, въ которой описывается весенній перелетъ птицъ и гдѣ пѣніе послѣднихъ въ перерывахъ между куплетами воспроизводится исключительно игрою на «хамысъ».

Якутскіе пѣвцы поютъ обыкновенно сидя. Только въ минуты особеннаго увлеченія они поднимаются и поютъ стоя, устремивъ глаза куда-то въ даль, и помогая себѣ изрѣдка плавными, сдержанными жестами руки и покачиваніемъ туловища. Хоромъ якуты поютъ чрезвычайно рѣдко да и то хоръ поетъ обыкновенно только припѣвъ. Такъ поются напр. хороводныя пѣсни, которыя поетъ собственно стоящій по серединѣ круга, а танцующіе только подпѣваютъ. Настоящее хоровое пѣніе я слыхалъ всего одинъ разъ. Это было въ Колымскомъ Округѣ во время одного торжественнаго шаманства. Зрѣлище вышло довольно необычное. Обрядъ совершался въ глубокомъ мракѣ. Шаманъ вдругъ рѣзко оборвалъ игру на бубнѣ и приникъ безъ движенія къ землѣ. Послѣ минутной паузы послышался удары огнива о кремень, спомъ красныхъ искръ освѣтилъ мимолетнымъ свѣтомъ внутренность юрты и одновременно въ глубинѣ ея зазвучалъ хоръ мужскихъ голосовъ. Затѣмъ опять непродолжительная игра на бубнѣ, опять—пауза, удары стали о камень, фантастическій свѣтъ быстро тухнувшихъ искръ и въ отвѣтъ.... дружный, мелодическій хоръ женскихъ голосовъ. Пѣли въ унисонъ.

Хотя рѣдко, но все-таки чаще чѣмъ хоровое, можно услышать у якутовъ драматизированное пѣніе. Оно устраивается такимъ образомъ: группа пѣвцовъ, собравшись вмѣстѣ, договаривается исполнить какую-либо воѣмъ имъ извѣстную пѣсню сообщ. Одинъ соглашается рассказывать то, что подлежитъ разсказу, именно: описаніе мѣстности и хода дѣйствія; другой исполняетъ партію добраго-героя-богатыря, третій—его противника, богатыря-злаго, иные берутъ на себя исполненіе пѣсенъ отца, матери, женъ, любовницъ, сестеръ, злыхъ и добрыхъ шамановъ и духовъ, наконецъ коня, который въ якутскомъ эпосѣ играетъ роль не малую. Такимъ образомъ

поются по преимуществу «олонго» — якутскія эпическія пѣсни. Говорятъ, въ старину онѣ иначе не исполнялись. За недостаткомъ пѣвцовъ одинъ и тотъ-же исполняетъ нѣсколько партій. Я слыхалъ одну «олонго», исполненную четырьмя заразъ пѣвцами. Поютъ они, конечно, по очереди въ послѣдовательности разказа.

Этотъ способъ пѣть былины куда красивѣе единоличнаго, но практикуется онъ все рѣже, и рѣже во-первыхъ, потому, что знатоки и любители пѣсенъ все болѣе и болѣе переводятся въ Якутской области, а такое собирательное пѣніе требуетъ прежде всего прекраснаго знанія словъ и мотива пѣсни, а во-вторыхъ, потому, что угощеніе группы пѣвцовъ въ продолженіе даже одного вечера стоитъ довольно дорого на якутскій тощій карманъ.

Угощеніе такое всегда бываетъ лучшее, на какое способенъ хозяинъ. И, кажется, угощеніе это да слава, — вотъ единственная награда якутскаго пѣвца. Впрочемъ, я слыхалъ о пѣвцахъ наемныхъ, которымъ платили за пѣсеніи деньгами и подарками. — Рассказывали мнѣ въ Намскомъ улусѣ про пѣвца Артамова, что его навималъ богатый якутъ «Княхія» на такихъ условіяхъ: «гдѣ-бы они не встрѣтились: въ полѣ, у сосѣдей, въ лѣсу — всюду онъ долженъ пѣть по требованію. Онъ долженъ бросить работу, ѣду, встать со сна и идти пѣть. За это онъ получалъ отъ «Княхія» — кобылу!..» — «Этотъ Артамонъ былъ Намскаго улуса родовичъ, рода Хамалга — голосъ его обладалъ звучностью, — пѣніе душою *). Когда онъ пѣлъ, съ женщи-нами случалась истерика — мужчины не могли уйти очарованные, ослабѣвшіе, точно маленькія дѣти... Отъ его пѣнія сохли деревня и люди теряли разсудокъ!..» говоритъ преданіе.

— Про другого знаменитаго пѣвца «Мачааръ» рода *Салбанъ*, выражались, что «если-бы второй такой нашелся, то отъ ихъ пѣнія съ трехъ деревень погибло бы одно!» — Ему платили, чтобы онъ только не пѣлъ. Знаменитый пѣвецъ, какъ и знаменитый шаманъ — скромень. Онъ не кичится, не на-брасывается, не поетъ всюду, безъ нужды и не прошенный. Привожу для примѣра нѣсколько афоризмовъ пѣвцовъ о пѣвцахъ.

— «У хорошаго пѣвца въ душѣ всегда пѣсня...» объяснялъ мнѣ именно такой хорошей пѣвецъ. «Достаточно ему ротъ открыть, а сейчасъ-же летитъ она, неукротимая, въ свѣтъ... наружу!.. Если не пѣть — мысли путаются, въ груди томить... Хорошій пѣвецъ даже одинъ поетъ... Отъ того-то у него все не клентся, и онъ бываетъ несчастливъ...»

— «Не хорошо завидовать въ пѣснѣ... Если знаменитые пѣвцы поюгъ вмѣстѣ, то стараются пѣть ровно, щади другъ друга. Пѣсней можно убить... Пѣвецъ, настоящій, — побѣжденный — умираетъ!..»

*) Тылъ доргоноохъ — Тылъ — иччилахъ.

— «Не пѣть пѣвцу нельзя, какъ нельзя шаману не шаманить... Шаманъ за свою силу платитъ здоровьемъ, мы за свою силу платимъ... счастіемъ...»

— «Пѣвецъ бываетъ несчастливъ.... Онъ тревожитъ своей пѣсней духовъ и обращаетъ на себя ихъ вниманіе!..»

Не смотря на всё это быть пѣвцами среди якутовъ пожелади-бы навѣрно многіе.—Кромѣ голоса, фантазіи, художественнаго чутья—якутскій пѣвецъ долженъ обладать громадной памятью, такъ какъ ему приходится помнитъ сотни тысячъ стиховъ. Обученіе происходитъ такимъ образомъ: старый, опытный пѣвецъ поетъ громко пѣсню и заставляетъ тутъ-же повторять за собою ученика, затѣмъ ученикъ многократно повторяетъ самостоятельно поэму, а учитель слѣдитъ за нимъ и поправляетъ слова и напѣвы. Выучка одной «олонго» стоитъ отъ рубля и больше до тридцати копѣекъ. Я разъ присутствовалъ при семейной сценѣ, вызванной страстью къ пѣснямъ: старуха мать упрекала юношу-сына, что тотъ «последній безмѣнъ масла промѣнялъ на пѣсню...»

— А у васъ, русскій, есть пѣсни про старинныхъ богатырей?... У насъ есть чудныя пѣсни... Наши предки на битву всегда выходили съ пѣсней....»

— «Есть пѣсни до того волшебныя, что отъ нихъ нарушается порядокъ... Хорошій пѣвецъ лучшихъ своихъ пѣсенъ не поетъ друзьямъ, людямъ, которыхъ любить.... Эти пѣсни вносятъ въ жизнь разладъ....»

— «Есть три пѣсни, выросшія изъ одного корня, точно три вѣтви одного дерева! Есть вѣтвь человѣческой души, вѣтвь—человѣческаго бога и пѣсня дьявольскаго дыханія. Отъ последней-то и сохнутъ деревья...»

Конечно, въ этихъ отзывахъ много восторженности, но, сознаюсь, что и во мнѣ, не разъ, своеобразныя, поэтическіе образы якутскихъ «олонго», пропѣтые вдохновеннымъ голосомъ, вызвали дрожь упоенія. Развѣ не хороша напримѣръ, пѣсня, отрывки которой приведу ниже, а замѣтвую её изъ всѣмъ извѣстнаго сборника Худякова во избѣжаніе обвиненія въ увлеченіи.

— «Ахъ, ребята! голову, мысли мои вскружили ловкіе мужчины. Стои—кружась, свѣтя своимъ блескомъ, покрывая свой внутренней обманъ, околдовывая удачностью своихъ выраженій, заставляя завидовать на свое добро, проникая взоромъ мое сердце и печень...»

— «Ахъ, ребята! Если-бъ полюбивши этого человѣка, обвинивши его, поцѣловавши, приблизивши къ своему сердцу, хотя и расталась-бы я, то, худая собою, послѣ того, когда тѣло мое будетъ жидко, какъ вода, когда стану я старухой хрупкой, какъ гнилое дерево, развѣ скажу я, что не была счастлива? ...»

— «Мужчины—люди, вы думаете, что лучшія изъ женщинъ не имѣютъ сердца, способнаго любить?! Если-бъ я знала, что языкъ моей рѣчи, голосъ

моего горла может расшевелить ваше сердце, вставить его разрываться от жалости—пѣла-бы я, ребята, безостановочно, воспѣвала-бы я!..

— «Обратившись отголоскомъ голоса, украшеніемъ выраженіи, и разжалобила-бы ваше сердце, размягчила-бы каменную вашу мысль, развязавъ, растопивъ вашу ледяную память, сдѣлала-бы я васъ столь бессильными, какъ маленькое дитя, начинающее сидѣть; запѣла-бы васъ такъ, чтобы вы не могли ни встать, ни пошевелиться!..»

— Ахъ, имѣющіе голосъ пѣвчей птички, платье подобное наружной сторонѣ крыльевъ чирка, поясъ подобный радугѣ. Туда-сюда разѣдетесь вы! далеко свѣта, какъ падающая звѣзда, разчеркивая небо, блестя, какъ молнія, заставите завидовать, полюбить себя... Только, ребята, и, ходи владъ—впередъ, видя во снѣ, удерживая въ памяти, пѣжа сердце-печень, думая о васъ, считаясь за счастливую, буду одна на землѣ, ходить несчастною... Ахъ, парни! ахъ, хорошіе люди!.. Вы подумаете, разсердитесь, осуждая меня: «Экая страшная осмѣлилась посмотреть на насъ!» Чѣмъ я спасусь отъ этого, ребята?... Развѣ обвиню ваше добро?... Ахъ досада моя! Быть-бы мнѣ лучшей-почетной и вскружить ваши мысли...

— «Ахъ, досада моя! Значитъ вы уйдете, осердявшись и оскорбившись... И хорошіе, и худыя смотреть вѣдь на ласковое, блестящее солнце, а развѣ оно оскорбляется этимъ?»

— «Ахъ, досадные! Улыбнувшись, какъ тѣни, вы убажаете такъ, какъ огонь заходящаго солнца уменьшается... уменьшается, удаляется и исчезаетъ!.. Но всё-таки какъ отъ солнца остаетя по горамъ солнечный отблескъ, такъ въ памяти и мысли я буду всегда носить о васъ воспоминаніе....»

.....
Прошу для полноты представить себѣ все эти образы отчеканенными въ звучныхъ стихахъ, украшенныхъ богатѣйшими аллитераціями. Аллитерація эти ринуются иногда не только въ началѣ, но одновременно и въ концѣ стиха и вся пѣсня тогда представляетъ, какъ-бы одинъ непрерывный слитокъ созвучій,—нитку жемчужныхъ словъ.

Среди якутскихъ пѣсень есть, конечно, игривыя, и фривольныя, даже просто гадкія, циничныя, но у какого народа ихъ вѣтъ? Иныя изъ нихъ дышутъ своеобразнымъ, наивнымъ юморомъ, наиримѣръ:

— «Что за ужасное преступленіе сдѣлаемъ. Вѣдь не убьемъ человека, не амбаръ сломаемъ,

Поцѣлуемъ...

убѣждаетъ юноша любимую дѣвушку. Или вотъ насмѣшливая пѣсенка дѣвушекъ неудачному жениху:

— «Пестрый олень—въ приданное,

— «Рыжій пойдетъ на выкупъ,

— « Бѣлаго родители возьмутъ за заботы,
« Полосатому имя «эргэнь»,
« Гнѣдой—для тебя будетъ добычею,
« А за сѣраго получишь... въ шею!...»

Хороши также въ якутскихъ пѣсняхъ описанія природы. Вотъ начало бури, воспѣтой въ одной изъ болѣе извѣстныхъ «олово».

Подуль, крутяся, вихрь съ востока,
Громъ прогремѣлъ въ дали,
Забарабанилъ дождиеъ частый,
И тучи,—сѣдя, косматыя—
Точно куски кобыльяго «камуса»
Поплыли, клубясь, по поднебесью...»

А вотъ другое описаніе, стремящееся охватить болѣе широкій кругъ явленій, а именно всю землю въ ея объемѣ:

— «Съ сѣдалвцемъ изъ тундрянаго моря,
Съ зависимостью отъ сѣвернаго моря,
Съ окраинами изъ западнаго моря,
Съ краями изъ южнаго моря,
Съ ободкомъ изъ восточнаго моря,
Съ порогомъ изъ глиняной горы,
Съ ровнями изъ лежащей горы,
Съ тихо свѣтящимся небомъ,
Подъ серебрянымъ солнцемъ,
Съ высоко-кружась, восходящимъ, бѣлосвѣтлымъ...
Съ ущербающимъ мѣсяцемъ,
Съ переходящими почевками,
Съ глубокими, имѣющими быстрыя теченія водами,
Съ улыбающеюся, прозрачною, тихой водою,
Съ падающимъ, прямымъ, отборнымъ лѣсомъ,
Съ жирной, мягкой травой по лодыжку четырехъ-лѣтняго коня
Противуположнаго берега не видно,
Предѣла не замѣтно,
Не отгадываемой длины,
Прямая земля съ цвѣтущей растительностью
Восьмигранная—мать-вселенная...»

Замѣчательно, что картины природы, воспѣваемые якутскими пѣвцами, разъ онѣ приводятся въ размѣрахъ миньютюрныхъ, въ образахъ вводныхъ -- отличаются прежде всего ясностью рисунка, яркостью красокъ и привлекаютъ своей жизне-радостностью. Совсѣмъ другое, если природа воспѣвается самостоятельно или представляется, какъ фонъ дѣятельности человѣка—ге-

роя. Тогда образы дѣлаются расплывчатыми, туманными, располагають къ раздумью, тоскѣ и мечтамъ...

Чудится, будто пѣвецъ не хочетъ только сказать, но прекрасно понимаетъ всю недолговѣчность этой громады съ ея беспредѣльными морями, съ гигантскими горными кряжами, съ могучими рѣками, съ дѣсами и степями, съ солнцемъ, съ луной, съ миллиардами звѣздъ... онъ ее понимаетъ и жаждетъ вмѣстѣ съ слушателями чего-то отличнаго отъ нея, сказочнаго, чего-то прочнаго, безусловнаго и совершеннаго.

Въ одной извѣстной мифъ и замѣчательной по замыслу «олонго» описывается человекъ «лучше другихъ на тетиву лука, а лучше якута на толщину березовой корки». Онъ богатъ и именитъ. Онъ обладаетъ золотыми палитами, свѣтящимися за три переѣзда, всякимъ небывалымъ добромъ, посудой, послушной одному его мановенію, стаканами-самоходами, топорами-самолетами, студьями, становящимися по приказанію, гдѣ нужно... Все это звенить, голосить, воспѣвая славу и богатство хозяина. Онъ ужасно богатъ — онъ обладаетъ несметными стадами, толпы прислужниковъ ждутъ его приказаній; дома у него умная, любящая жена — красавица, на дворѣ стерегутъ и оберегаютъ его судьбу священныя столбы коновязи. А кого благословляютъ они, тотъ будетъ пребывать въ вѣчномъ благополучіи, а умереть тотъ, кого они проклянутъ... Все у него есть, чего только можетъ пожелать человекъ; онъ здоровъ, силенъ, могучъ, онъ умывается въ бездонномъ морѣ, а утирается голубыми лентами рѣкъ...

И что-же: этотъ богачъ и владыка «каждое утро, чуть зажжется заря, выходитъ и, держа къверху свой острый мечъ, съ высокаго неба проситъ бѣды, съ широкаго неба наказанія, съ почтеннаго страшнаго неба кроваваго пораженія, съ западнаго неба разоренія... А когда все это не является, онъ самъ идетъ на встрѣчу несчастью... Онъ пытаетъ свою судьбу огнемъ, железомъ, водою и выходитъ невредимъ... «Нечего мифъ, вижу, больше ждать!» говорить съ тоской; но тутъ-же неожиданно для себя гибнетъ отъ дуновенія вѣтра...

И такъ весь эносъ якутскій носить на себѣ отблескъ вѣчной безпредмѣтной тоски и вѣчной боязни...

Мы знаемъ, что это тоска за совершенствомъ, что это боязнь — небытья... Мы сами ихъ не разъ ощущали. Онѣ царятъ всюду, гдѣ человекъ, хоть на мгновеніе успѣлъ поднять глаза отъ земли и оглядѣть міръ...

Такъ! будемъ со всѣми, алчущими перваго, стремиться къ нему, а за всѣхъ и ради всѣхъ бороться съ послѣднимъ...

Вацлавъ Стрешевскій.

Сайръ-усинскій почтовый трактъ по Монголіи.

25-го октября мы оставили Ургу; мы поѣхали по почтовому тракту, ведущему изъ Урги въ Калганъ и проходящему черезъ урочище Сайръ-усу. Въ первый день мы проѣхали станцію Соносхолонту (Послушную) и Байсхылынту (Радостную) и остановились на ночлегъ въ Амогаланту (Счастливей). На слѣдующій день, миновавъ станціи Джиргаланту (Блаженную) и Ундурь-добо, въ полдень прибыли на станцію Модонъ, а къ вечеру на ст. Тала-булыкъ. Г. Позднѣевъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ дневнику о Палладіи (Записки Импер. Русск. Геогр. Общ., т. XXII, в. I, стр. 198) говоритъ, что черезъ станцію Модонъ или черезъ ст. Тала-булыкъ монголы проводятъ сѣверную границу Гоби. Дѣйствительно нашъ аперондъ показавъ, что станціи Чжиргаланту, Модонъ и Тала-булыкъ самыя высокія на всемъ пути между Ургою и Калганскимъ хребтомъ. По рассказамъ монголовъ въ этой мѣстности проходитъ южная граница распространенія сурковъ; на ст. Модонъ и Тала-булыкъ сурки еще встрѣчаются, на лежащихъ-же южнѣе станціяхъ Байвъ-хошу и Боро-дага ихъ уже нѣтъ. На Тала-булыкѣ водятся стада птицы *колтру* (*Syrraptes pagadoxus*), какъ ее здѣсь называютъ, но я не разспросилъ, откуда начинается настоящая область обитанія ея *).

Г. Обручевъ просилъ меня собрать свѣдѣнія о залежахъ каменнаго угля, которыя находятся близъ ст. Модонъ и на которыя указываетъ г. Позднѣевъ въ той-же выше указанной статьѣ. По его словамъ залежи эти находятся къ западу отъ станціи, между станціей и горами Дельгиръ. Провожавшій насъ монгольскій чиновникъ тайджи Даши-доной, не одинъ разъ проѣзжавшій по этой дорогѣ, конечно слыхалъ объ этихъ залежахъ, но онъ старался увѣрить насъ, будто въ первый разъ слышитъ объ этомъ. Очевидно Даши-доною хотѣлось поскорѣе вернуться въ Ургу и онъ боялся, что поиски угля заставятъ насъ остановиться на Модонѣ и пробыть лишній день. Монголы, живущіе на ст. Модонъ, хотя и не скрывали, что уголь есть именно тамъ, гдѣ указываетъ его г. Позднѣевъ, но говорили, что это не близко отъ станціи; по ихъ расчету пришлось-бы мнѣ оставить своихъ товарищей и верхомъ поѣхать одному на залежи, а оттуда прямо проѣхать на слѣдующую станцію; если-же остановиться на залежахъ для раскопокъ, то пришлось-бы около нихъ ночевать, а были-ли въ это время жилища юрты около залежей, монголы не могли сказать съ увѣренностью. Кромѣ того никто не хотѣлъ сказать, что онъ знаетъ въ точности мѣсто, гдѣ находится уголь. Не желая потратить время на безплодные розыски, я не остановился на ст. Модонъ и проѣхалъ далѣе.

*) 1892 г. *Syrr. pagadoxus* залетаетъ случайно въ окрестности Кяхты и Минусинска.

28-го октября мы прибыли на ст. Баннь-бэлыгьхъ. Здѣсь мы узнали, что близъ этой станціи также недавно открыты залежи угля. Одинъ изъ здѣшнихъ монголовъ сталъ копать колодезь на берегу озера Салайту-норъ и на глубинѣ сажени наткнулся на пластъ каменнаго угля; мѣстный кузнецъ сталъ употреблять этотъ уголь при своихъ работахъ; ранѣе-же этого, этотъ кузнецъ добывалъ каменный уголь издалека, изъ хошуна Гоби-туше-гуна, расположенному по среднему и нижнему теченію р. Онгинь-голь; въ этомъ хошунѣ есть залежи, говорили намъ монголы, въ горахъ Цэца-ола, составляющихъ западный конецъ хребта Шянхай*). Я нанялъ на ст. Баннь-бэлыгьхъ проводника и верхомъ поѣхалъ къ оз. Салайту, находящемуся къ с.-з. отъ станціи верстахъ въ трехъ. Котловинка, въ которой оно лежитъ, отдѣляется отъ мѣстности, гдѣ стояла тогда станція, двумя плоскими песчаными перевалами; озеро небольшое, около 100—150 саж. въ окружности. И къ ю.-в. и въ с. отъ озера на вѣкоторомъ разстояніи отъ него видны небольшія высоты съ обнаженіями на ихъ вершинахъ, частью отдѣльныя, частью сливающиміяся въ гряды; они не носятъ никакого особаго имени; монголь-проводникъ назвалъ ихъ намъ Салайтэнь-хара. На сѣверозападномъ берегу озера я увидѣлъ яму, глубиною въ поларшина; это и былъ колодезь, который заброшенъ и засыпанъ землей. Съ нами не было лопаты, чтобы разрыть его вновь. Отъ берега озера къ сѣвернымъ высотамъ идетъ плоская покатость, перерѣзанная мелкими бороадками, по которымъ стекаетъ въ озеро дождевая вода. Между бороадками мѣстами замѣтны выходы искрошившихся сланцевъ съ растительными отпечатками. Вода въ озерѣ Салайту, по отзыву монголовъ, имѣетъ темно-коричневый цвѣтъ, что приписывается каменному углю; монголы считаютъ ее здоровою для питья и увѣряютъ, что если бараны пьютъ эту воду постоянно, шерсть ихъ окрашивается въ черный цвѣтъ.

Отъ Урги до урочища Сайръ-усу, куда мы прибыли 28-го октября въ 7-мь часовъ вечера, характеръ растительности мало измѣняется. Это гористая степь, покрытая злаками, какъ и къ сѣверу отъ Урги, только горные хребты незначительнѣе и проще, и злаки, по мѣрѣ приближенія къ Сайръ-усу, становятся ниже и скуднѣе. Лѣсовъ нѣтъ; послѣдніе лѣса, которые видитъ путешественникъ по этой дорогѣ, тѣ, которые покрываютъ сѣверный склонъ Хань-олы на берегахъ р. Толы.

Горныя гряды, отчетливо поднимающіяся надъ остальной степью, здѣсь встрѣчаются рѣдко, чаще рельефъ степи состоитъ изъ плоскихъ возвышенностей или изъ обширныхъ площадей, имѣющихъ покатость въ какую-либо сторону. Нерѣдко кажется, что дорога проходить по совершенно

*) Хребетъ Шянхай, кажется, изображенъ на картѣ г. Пѣвцова, приложенной къ его путешествію изъ Хобдо въ Гуй-хуа-ченъ.

ровной степи, но когда падение покатости замѣтишь, на дальнемъ горизонтѣ выступаетъ длинная гряда или уваль, безъ ущелій или логовъ на обращенномъ къ зрителю склонѣ и безъ вымоковъ на гребнѣ. Вы ѣдете по плоской возвышенности, а на горизонтѣ видите другую такую-же. Таковъ по большей части видъ здѣшной дали.

Въ Сайръ-усу самое большое населеніе, какое мы встрѣтили въ Гоби. Отъ Урги до сюда станціи состоятъ обыкновенно юртъ изъ 5—6, здѣсь ихъ насчитывается до 20. Кромѣ того здѣсь есть двѣ глиняныя фанзы; въ одной изъ нихъ живетъ и-чжуань-дао, китайскій чиновникъ, завѣдующій почтовымъ трактомъ, въ другой помѣщается его канцелярія или джайсанъ. Въ тотъ-же вечеръ я посѣтилъ чиновника, думая, что своимъ появленіемъ доставлю хоть какое-нибудь развлеченіе скучающему китайцу. И-чжуань-дао женатъ на манджуркѣ, имѣетъ двухъ маленькихъ сыновей и живетъ здѣсь съ семействомъ; онъ занимаетъ небольшую фанзу, разгороженную прихожей на два отдѣленія; въ одной половинѣ, повидимому, кабинетъ самого чиновника, въ другой живетъ его жена съ дѣтьми. Поваръ китаецъ служитъ чиновнику за переводчика.

Я не могъ ничего подарить китайскому чиновнику кромѣ однихъ пригоршней сахару. И-чжуань-дао взялъ кусковъ пять и приказалъ своему слугѣ отнести дѣтямъ, но я настоялъ, чтобъ было отнесено все, что я принесъ. Въ тотъ-же вечеръ и-чжуань-дао, котораго его льстивые подчиненные называютъ амбанемъ, т. е. генераломъ (подобно тому, какъ кульджинскіе китайцы генераль-губернатора Илійской провинціи титулуютъ «сѣверо-западнымъ Сыномъ Неба»), отплатилъ мнѣ визитъ въ сопровожденіи своего повара, принесшаго намъ пакетъ съ китайскими бисквитами и тарелку горячихъ пирожковъ. «Сайръ-усинскій амбань» пилъ у насъ чай, заинтересовался русскимъ печеньемъ и былъ очень доволенъ, когда мы отобрали по образцу отъ каждаго сорта кренделей и булокъ, которыми насъ щедро снабдили изъ дома Лушниковыхъ въ Кяхтѣ, и попросили передать его дѣтямъ.

Дани-доной, провожавшій насъ отъ Урги, уѣхалъ домой въ тотъ-же вечеръ. Мы оставили Сайръ-усу на зарѣ слѣдующаго утра.

Дорога отъ Сайръ-усу на протяженіи 3, 4 верстъ проходитъ по ровной мѣстности, по которой разсыяны кусты хармыка, окутившіеся пескомъ. Это—и есть бугры песковъ другихъ дневниковъ. Это не барханы, покрытые растительностью; передвижныхъ сыпучихъ песковъ или такъ называемыхъ бархановъ мною не замѣчено нигдѣ по дорогѣ отъ Урги до Калгана. Хармыковые пески представляютъ особую формацію песковъ. Въ Ордосѣ, напримѣръ, песчаныя площади представляютъ неровную поверхность, пересѣченную грядами и углубленіями; по этой вознистой поверхности во время вѣтровъ проносится песокъ и образуетъ ряды валовъ, въ родѣ си-

бирскихъ сѣжныхъ сугробовъ или суметовъ съ осыпями на подвѣтренной сторонѣ. Здѣсь-же песокъ какъ будто проносится мимо, не образуетъ суметовъ и только задерживается въ кустахъ хармыка, остальная-же степь, на которой выросли кусты, остается непокрытою, не замечается; каждый кустъ хармыка превращается въ бугоръ песку, отдѣльно стоящій на одномъ уровнѣ со всеми другими. Картину можно сравнить со столомъ, который уставленъ опрокинутыми чашками. Эта картина свидѣлствуетъ, что кусты не всегда ведутъ къ образовацію бархановъ; ихъ здѣсь нѣтъ. Впрочемъ, къ юго-востоку отъ станціи Кутуль—площади съ хармыковыми буграми встрѣчаются и далѣе. Кутуль—есть песчаные валы, поросшіе кустами, напоминающіе такъ называемые въ Ордосѣ *ирень-елисунъ*, «пестрые пески».

29-го октября мы доѣхали до ст. Арба-найма и тутъ ночевали. Между ст. Кутуль и Боро-обо впервые появился цзакъ. Почва на всѣхъ станціяхъ песчаная, очень рѣдко каменистая. Хармыкъ образуетъ сѣдые бугры.

На всѣхъ здѣшнихъ станціяхъ юрть довольно; почти на каждой не менѣе 20, какъ и въ Сайръ-усу, но молока нигдѣ нельзя было достать. Рогатый скотъ въ эту пору года не держатъ около станцій; онъ отгоняется на отдаленныя отъ нихъ пастбища. Только въ Сайръ-усу намъ дали молока, но и то верблюжьяго. Гобійскіе верблюды считаются въ Монголіи лучшими; лучший рогатый скотъ, по отзывамъ монголовъ, водится въ Хангаѣ, а хорошими лошадьми славится чахарская земля.

30-го октября мы проѣхали четыре станціи: Наранъ, Хоничи, Мухуръ-гашунъ и Тугурикъ. Между станціями Наранъ и Хоничи мы видѣли вяза; деревень до двадцати было видно влѣво отъ дороги на ровной поверхности. И здѣсь встрѣчались бугры съ хармыкомъ до 1 сажени высоты: растеніе само можетъ быть здѣсь и не достигало-бы такой высоты, если-бъ не было замѣтаемо пескомъ. Почва здѣсь песчаная или дресвяная, нѣрѣдка съ примѣсью гальки. У ст. Хоничи о. Палладій указываетъ мѣль, но это известковая накипь; у станціи лужа воды, берега которой покрыты этой накипью и имѣютъ бѣлый цвѣтъ. Ею монголы окрасили глиняныя постройки своего храма, который тутъ находится.

Между Мухуръ-гашуномъ и Тугурикомъ о. Палладій указываетъ перевалъ черезъ горную гряду, которая названа у него Богдо-хаирханъ; у Позднѣва (см. въ указанной выше статьѣ, стр. 183) она названа Богдо-иргнъ-ула, т. е., толкуетъ г. Позднѣвъ, «горы святаго утеса». Намъ на станціи Тугурикъ назвали эти горы Богдо-ергиль; я переспросилъ нѣсколькихъ монголовъ, чтобы провѣрить это показаніе, и ото всѣхъ получалъ одинаковый отвѣтъ. На разпросы, что значить *ергиль*, монголы отвѣчали, что это имя происходитъ отъ слова *ерилъ*, «обрывъ рѣчной», «яръ», «утесъ», но мнѣ кажется, это народная догадка; вѣроятно и г. Позднѣвъ слышалъ то-

же объясненіе и не это-ли народное толкованіе увлекло его исправить названіе изъ ергиль въ иргиль. Намъ кажется, что имя Богдо-иргиль-ула сдѣдовало-бы перевести: «горы святаго Ергизя»; подъ Ергиземъ скрывается вѣроятно какая-нибудь легендарная личность, легенды о которой утрачены народной памятью; наименованіе-же «горы святаго утеса» не въ духѣ народныхъ названій.

Между станціями Тугурикъ и лежащей далѣе Толи-булыкъ есть выходы гнейса, бѣднаго слюдой и имѣющаго ясное напластованіе. Къ 7-ми часамъ вечера прибыли на ст. Хире-мухуръ. На пространствѣ между Тугурикомъ и Хире-Мухуромъ встрѣчались большія займища дѣрисуна Ст. Булыкъ, лежащая между Толи-булыкомъ и Хире-мухуромъ, расположена на лѣвомъ берегу сухого русла, на выходахъ вывѣтрѣлаго, сильно разрушеннаго гранита съ розовымъ полевымъ шпатомъ. Во время дождей по сухому руслу течетъ вода съ сѣвера на югъ. Долина между гранитными обнаженіями или скалами расширяется иногда до ста сажень.

1-го ноября сдѣлали четыре станціи: Цзесъ-хонгоръ, Ула-худукъ, Шара-муренъ и Цаганъ-худукъ; на послѣдней ночевали. Это самыя бѣдныя станціи по всей дорогѣ; юрты на нихъ мало, лошади тощія и везутъ не такъ скоро, какъ на предъидущихъ станціяхъ; очевидно хорошихъ пастбищъ здѣсь нѣтъ.

Отъ Хире-мухура дорога ровная, степью, покрытой мелкой щеткой степныхъ злаковъ; мѣстами были заросли будурганы, которая начала, кажется, встрѣчаться еще ранѣе; никакихъ бархановъ не видно; песчаные бугры о. Палладія—это холмы, покрытые обыкновеннымъ для здѣшнихъ мѣстъ навозомъ изъ плотнаго песка, мѣстами разрыхленнаго. У самой станціи Шара-муренъ, которая представляетъ наибольшее пониженіе на нашей дорогѣ, мы вѣхали въ бугры песку, поросшіе хармыкомъ; эти хармыки образуютъ полосу сажень въ 50 шириной, сопровождающую берегъ Шара-мурена съ запада. Затѣмъ начинается широкая полоса будурганы, бурыми буграми покрывающей побережье рѣки. Станціонныя юрты стояли на границѣ между буграми хармыка и будурганой, растущей на болѣе ровномъ солончакѣ. Воды въ рѣкѣ не было; мы пересѣкли ее по сухому руслу, которое въ это время представляло голый солончакъ, шириною до 60 сажень, протянувшійся съ юга на сѣверъ, между двухъ зарослей будурганы и отъ бѣжавшей лѣтомъ воды только въ двухъ, трехъ мѣстахъ остались мелкія лужи, превратившіяся уже въ ледъ. Р. Шара-муренъ протекаетъ черезъ лежащее къ сѣверу отсюда озеро Хуху-норъ и затѣмъ впадаетъ въ другое озеро Цаганъ-норъ; до озера одинъ день ѣзды, а по другому показанію три дня. Обѣхать озеро можно только въ два дня; вода плохая. Берега пустынные, частью

глинисты, частью каменисты (вѣроятно, покрыты щебнемъ или галькой*), травъ мало, людей нѣтъ. Оба озера одинаковой величины. Рыбы въ р. Шара-муренъ не бываетъ; лѣсу по рѣкѣ тоже нѣтъ.

На правомъ берегу Шара-мурена также полоса хармыковыхъ бугровъ, но шире, чѣмъ на лѣвомъ; она имѣетъ около полуверсты ширины; потомъ опять начинается степь, покрытая пучками высохшихъ злаковъ.

По характеру растительнаго покрова пространство между Ургой и Шара-муреномъ можно раздѣлить на двѣ части; сѣверная, между Ургой и Сайръ-усу имѣетъ тотъ-же травяной покровъ, какъ и сѣверная гористая Монголія, Хангай и окружающая его страна, только, какъ сказано выше, травы къ югу становятся скуднѣе. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе получаетъ глазъ глубокой осенью, когда онъ видитъ только засохшій растительный покровъ и замѣчаетъ въ немъ только господствующую форму, и не видитъ уже отдѣльныхъ экземпляровъ, указывающихъ на близость другой флоры. Отъ Сайръ-усу къ югу степь, покрытая мелкими степными злаками, пересѣкается значительными площадями, заросшими кустами хармыка, будурганы и цзака. Къ в. отъ Шара-мурена (собственно отъ ст. Цаганъ-худукъ) характеръ степи опять измѣняется.

Кормовыми травами въ Гоби считаются: шарьсы, шульги, аги (родъ полыни), дэрисунъ (*Lasiagrostis Splendens*), танъ (*Allium* sp), кумулэ; послѣдній ѣдятъ и люди; онъ въ родѣ тана (слѣдовательно также лукъ). Отъ него овцы замѣтно поправляются. Верблюды ѣдятъ будургану и хармыкъ**). Танъ и кумулэ бывають только лѣтомъ; къ зимѣ они погибають. Сульхира здѣсь нѣтъ; бѣдные люди въ года дороговизны хлѣба собирають сѣмена будурганы и ѣдятъ ихъ, какъ въ другихъ мѣстахъ сульхиръ. Монголы, живущіе на станціяхъ, молочныхъ скотовъ не дѣлають; монголы-же, обитающіе въ окрестной степи, приготовляють изъ молока *хурасмиъ-су* (соотвѣтствуетъ бурятской арсѣ), *таракъ*, *айрикъ*, *аруль* и *хурутъ*; аруль тотъ-же хурутъ, только сдѣланъ болѣе мелкими листочками и выжатъ руками для скорѣйшей сушки. Изъ верблюжьего молока не дѣлають ни писдыка (сыръ), ни урюма (сгущенныя сливки); оно слишкомъ жирно. Верблюдица даетъ меньше молока, чѣмъ корова.

Во все время, пока ѣхали по южной Монголіи, стояла ясная и по большей части тихая погода, изрѣдка дулъ западный вѣтеръ; въ южной Монголіи значительно теплѣе, чѣмъ въ сѣверной; тогда какъ къ сѣверу отъ Сайръ-усу утренники доходили до -20° С., здѣсь самое большее по утрамъ бываель холодъ въ -10° С., а въ полдень ртуть иногда поднималась до $+6^{\circ}$ С.

*) Монголь, который рассказываель намъ объ озерѣ, выразился такъ: *балтысь шябыръ хуху чило*.

***) Въ Забайкальѣ верблюды ѣдятъ крапиву.

2-го ноября мы оставили Цаганъ-худукъ. Все пространство между станціями Цаганъ-худукъ и Булуту занято полынной степью; можно различить двѣ породы польни, одна болѣе распространенная, другая сѣденькая или голубоватая, вѣроятно такъ называемая по-монгольски *ам*, въ видѣ подчиненной примѣси. Въ тотъ-же день миновали еще ст. Шара-хада и на ночлегъ остановились на ст. Бомботу. Между двумя послѣдними считается 80 ли (40 верстъ); на серединѣ пересѣкли ручей Уланъ-иргинъ-голь; по показанію монголовъ нижній конецъ ручья вливается въ озеро Боро-хошунай-голь, лежащее въ одномъ днѣ вѣды отъ почтовой дороги. Именемъ Шара-хада называется рядъ песчаныхъ возвышенностей, покрытыхъ густой полянью; передвижныхъ песковъ и здѣсь нѣтъ.

3-го ноября утромъ мы оставили Бомботу. Дорога проходитъ по мѣстности, покатой къ сѣверу; горизонтъ на югѣ не далекій, состоитъ изъ обрѣза степи, поднимающейся къ югу; изрѣдка высовываются скалистыя вершины въ разстояніи 5—7-ми верстъ; на сѣверѣ, куда степь поката, открывается видъ на хребты, или гряды, проходящія въ разстояніи 15-ти верстъ и далѣе. Къ станціи Уланъ-хада полынная степь стала смѣняться кипцовой, а около ст. Чинтай уже чистые кипцы. Именемъ Уланъ-хада называются выходы гранита въ видѣ глыбъ, столбовъ, конусовъ, стоящихъ часто отдѣльно. Около ст. Чинтай открылся болѣе далекій видъ на скалистые хребты съ зазубренными гребнями, проходящими верстахъ въ 10-ти къ югу.

Вечеромъ того-же дня мы проѣхали ст. Чичертай, первую станцію, лежащую въ землѣ чахаровъ и ночевали на слѣдующей станціи Мингай. Въ обоихъ есть фанзы для проѣзжающихъ, но мы предпочли ночевать въ жилой юртѣ монгола, въ которой было теплѣе, суше и уютнѣе.

По рассказамъ здѣшнихъ монголовъ въ южной Монголіи была нынѣ весной засуха: до 6-й луны не было дождей, потомъ пошли дожди чуть не каждый день. У монголовъ погибло много скота отъ бескормицы, а въ соседнемъ китайскомъ районѣ былъ неурожай хлѣба; южнѣе-же урожай былъ хорошій.

Въ чахарской землѣ бродятъ стада дзереновъ по 500 головъ; чахары ловятъ ихъ посредствомъ загородей; строятъ двѣ загороди, которыя концами сходятся и образуютъ тупой уголъ, но въ этомъ углу загороди не смыкаются и образуютъ промежутокъ въ родѣ воротъ; охотники гонятъ стадо въ эти ворота, другія-же, сидяшіе за бугорками или возвышенностями почвы, стрѣляютъ въ звѣрей и убиваютъ штукъ по восьми изъ стада. Много въ чахарской землѣ бьютъ также зайцевъ *). Много здѣсь волковъ; ходятъ стаями штукъ по двадцати.

*) Въ хошунѣ Ару-корчинъ бьютъ зайцевъ, ловко бросая въ нихъ палкой.

На слѣдующій день, 4-го ноября, мы проѣхали станцію Джагыстай (тутъ рѣчка Джагыстай, которая впадаетъ въ озеро Кэшикъ-норъ и въ которой, по словамъ мѣстныхъ жителей, водится небольшая рыба), Кунстей и Орой. Между ст. Кунстей и Орой протекаетъ рѣчка Дачинъ-голь; между ст. Джагыстай и Кунстей находится озеро Баниъ-цаганъ-норъ. Слѣдующая за Ороемъ станція назыв. Халютай; къ западу отъ нея видно значительное озеро Ангыль, (на русскихъ картахъ Ангули) дорога проходитъ близъ впаденія въ него р. Еринтенъ-голь, которая тутъ и пересѣкается дорогой.

Слѣдующая станція Бургассутай. Отсюда мы отправились на западный перевалъ, *барунъ-дабанъ*, по которому переваливаютъ калганскій хребтъ торговые караваны. Почтовая дорога проходитъ по восточному перевалу, но наши ямщики предпочли западный потому, что съ восточнаго течетъ потокъ, который въ настоящее время обледенѣлъ и дорога сдѣлалась скользкая. На почтовую станцію дано было знать заблаговременно и для насъ были высланы съ нея лошади къ китайской гостиницѣ Савъ-хуа-дянь, выстроенной близъ вершины западнаго перевала. Вершина перевала лежитъ нѣсколько южнѣе гостиницы. Спустившись съ вершины къ кумирнѣ, которая выстроена на половинѣ высоты перевала, мы были тутъ задержаны на цѣлыхъ полтора часа. На встрѣчу намъ шелъ караванъ изъ 400 верблюдовъ съ русскими чамаи и занялъ дорогу, которая здѣсь, не смотря на живость торговыхъ сношеній, имѣетъ видъ узкой тропинки, по которой два встрѣтившіеся верблюда не въ состояніи разойтись. Около кумирни скопились до десяти китайскихъ телѣгъ, остановленныхъ движеніемъ каравана; около нихъ остановились и наши повозки и двинулись не раньше, какъ мимо кумирни прошелъ послѣдній верблюдъ каравана. Въ Калганъ или собственно въ сѣверное его предмѣстье мы прибыли уже въ сумерки; здѣсь мы нашли пріютъ и отдыхъ въ домѣ И. А. Басова, и прожили въ немъ два дня, пользуясь гостепріимствомъ и услугами И. М. Волосатова, съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться еще ранѣе, въ 1889 г. въ Ургѣ

И. Листанинъ.

Почтовый Кяхтинско-Калганскій трактъ чрезъ Сайръ-усу.

Кяхта.		Часы.			Часы.	
1	Урт. Илату	1	} 32 час.	18	Урт. Цабборк	2
2	« Наримъ-могой	2 ³ / ₄		19	« Цаллату	1 ³ / ₄
3	« Иро-голь	3 ¹ / ₄		20	« Арбанъ-найма	1 ³ / ₄
4	« Хуйтунъ-голь	3		21	« Бильгихъ (Наранъ)	2 ¹ / ₂
5	« Номту-булакъ	3 ¹ / ₄		22	« Хониги	2 ¹ / ₂
6	« Баннъ-голь	2		23	« Мухуръ-гашунъ	3
7	« Хара-голь	4		24	« Тугурикъ	2 ¹ / ₂
8	« Хоримту	2		25	« Толи-булакъ	2 ¹ / ₂
9	« Хунцаль	2 ¹ / ₄		26	« Сучжи-булакъ	1 ³ / ₄
10	« Бргултай	2 ¹ / ₂		27	« Булунъ	1 ³ / ₄
11	« Куй	1 ³ / ₄		28	« Хирай-мухуръ	3
12	Урга	4 ¹ / ₄		29	« Цзэсъ-хонгоръ	2
1	« Соносхаланту	2	30	« Улз-худукъ	1 ¹ / ₂	
2	« Байсхаланту	2 ¹ / ₂	31	« Шара-мурень	2 ³ / ₄	
3	« Амогаланту	1 ¹ / ₂	32	« Цаганъ-худукъ	1 ¹ / ₂	
4	« Чжиргаланту	3 ¹ / ₄	33	« Одонъ-худукъ	2	
5	« Ундуръ-добо	1 ¹ / ₂	34	« Будуту	1 ³ / ₄	
6	« Тала-булакъ	3	35	« Шара-хада	2 ¹ / ₂	
7	« Наранъ	1 ¹ / ₂	36	« Бомботу	3	
8	« Модонъ	2 ¹ / ₂	37	« Уланъ-хада	3	
9	« Тойримъ	2	38	« Чантай	2 ³ / ₄	
10	« Боро-дага	1 ³ / ₄	39	« Чэчэрту	2 ¹ / ₄	
11	« Баннъ-хошу	2	40	« Мингай	1 ¹ / ₂	
12	« Баннъ-бильгэхъ	1 ³ / ₄	41	« Чжагасутай	1 ¹ / ₄	
13	« Сологой	2	42	« Хуйсуту (Хыстэ)	1 ¹ / ₂	
14	« Сучжи	1	43	« Орой	2 ¹ / ₂	
15	« Сайръ-усу	1 ¹ / ₄	44	« Халютай	1 ³ / ₄	
16	« Хутуль-долонъ (Кутуль)	2	45	« Бургасутай	3	
17	« Боро-обо	2 ¹ / ₂	46	« Цаганъ-тологой	1 ³ / ₄	
			47	« Калганъ	6 ¹ / ₂	

Всего отъ Кяхты до Калгана 135³/₄ часа.

1) Между ст. Баннъ-голь и Хара-голь перевалъ черезъ дабанъ Манхадэ.

2) Со ст. Булуна везли тише.

3) На ст. Цаганъ-тологой не заѣзжали, лошади были выведены на другую дорогу, по которой мы ѣхали версты четыре въ часъ. Кромѣ этого при спускѣ въ ущелье пережидали часа 1¹/₂ или 2 встрѣчный караванъ верблюдовъ.

В. А. Нашкаровъ.

ДѢЙСТВІЯ ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА.

Протоколы засѣданій отдѣленія статистики Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

1-го февраля 1891 г.

Засѣданіе открыто въ 8 ч. вечера. Присутствовали: Покровитель Отдѣла Иркутскій Генераль-Губернаторъ А. Д. Горемыкинъ, 12 членовъ и до 25 чел. посѣтителей. Предсѣдательствовалъ К. П. Михайловъ.

Открывъ засѣданіе, К. П. Михайловъ заявилъ, что Б. П. Шостаковичъ отказался по неимѣнію времени отъ обязанности секретаря, и что по его приглашенію обязанность эту принялъ на себя И. А. Молодыхъ.

И. А. Молодыхъ сдѣлалъ рефератъ объ экономической обеспеченности крестьянскаго населенія части Иркутскаго округа.

Референтъ дѣлаетъ выводы относительно благосостоянія крестьянскаго населенія волостей: Хомутовской, Уриковской, Усть-Балейской, Оёкской, Смоленской, Идинской, Малышевской, Усть-Удинской, Евсеѣвской, Мальтинской и Бѣльской, пользуясь данными изслѣдованія небольшой общины (д. Турской), входящей въ составъ одной изъ перечисленныхъ волостей, указавши предварительно на одинаковость признаковъ, характеризующихъ благосостояніе крестьянскаго населенія этихъ волостей.

Референтъ, пользуясь такими данными, находитъ, что:

1) Степень обеспеченности около 45% населенія района, покрывающаго доходами сельско-хозяйственнаго промысла не болѣе 38% всѣхъ своихъ потребностей — крайне низка, и при обычныхъ условіяхъ нѣтъ основанія надѣяться на повышеніе ея безъ посторонней помощи.

2) Степень обеспеченности 39% населенія можно назвать средней, но она крайне неустойчива.

3) 14,9% населенія пользуется нѣкоторымъ достаткомъ, причемъ, однако, только хозяйства съ 3—4-мя работниками и 6—10-ю и болѣе лошадьми можно считать устойчивыми.

Далѣ докладчикъ указалъ на крайнюю неустойчивость урожаевъ и цѣнъ на хлѣбъ (причемъ цѣны понижаются быстрѣе, повышаются же медленнѣе при соответствующихъ измѣненіяхъ урожаевъ), какъ на главную причину малой степени обеспеченности и неустойчивости крестьянскаго населенія взятаго района.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги, когда цѣны на хлѣбъ должны неминуемо понизиться, вслѣдствіе удешевленія провозной платы изъ мѣстностей съ несравненно болѣе высокой и устойчивой урожайности, для населенія взятаго района наступитъ жестокой экономической кризисъ, — жестокой потому, что у населенія нѣтъ никакихъ почти сбереженій; доказательствомъ чего служитъ его высокая задолженность даже при существующихъ крайне обременительныхъ условіяхъ кредита.

Въ заключеніе докладчикъ выражаетъ надежду, что тщательное изслѣдованіе быта населенія можетъ дать указанія для своевременной ему помощи.

По поводу изложеннаго въ докладѣ были сдѣланы слѣдующія замѣчанія.

Г. Покровитель отдѣла выразилъ мнѣніе, что референтъ слишкомъ сгустилъ краски малой обеспеченности крестьянскаго населенія взятаго района; что какъ урожай, такъ и желѣзная дорога не можетъ имѣть иного вліянія на благосостояніе населенія, кромѣ самаго благотвѣтельнаго; что теперь нѣтъ достаточныхъ основаній предполагать, что проведеніе желѣзной дороги вызоветъ ввозъ, а не вывозъ хлѣба.

Б. П. Шостваковичъ также нашелъ положеніе, что проведеніе желѣзной дороги вызоветъ ввозъ хлѣба, недостаточно доказаннымъ.

В. А. Ошурковъ, вполнѣ признавая, что изслѣдованія быта населенія желательны и полезны, считаетъ ихъ не по силамъ Отдѣ-

ду. Большая часть статистическаго матеріала, рисующаго намъ бытъ и экономическое положеніе населенія Европейской Россіи, собрана земствами; вообще подобныя изслѣдованія могутъ быть выполнены учрежденіями официальными, или при ихъ живомъ участіи и содѣйствіи. Отдѣль-же во многихъ случаяхъ, какъ общество чисто ученое, не имѣетъ достаточныхъ полномочій для того, чтобы собирать свѣдѣнія, производить опросы, забирать справки по документамъ и т. д.

На предъявленныя замѣчанія докладчикъ далъ слѣдующія объясненія.

1) Крестьянское хозяйство описаннаго района извѣстно ему слишкомъ близко (т. к. референтъ самъ ведетъ хозяйство въ размѣрѣ средней крестьянской зажиточности), чтобы впасть въ грубую ошибку при опредѣленіи степени и устойчивости благосостоянія населенія этого района.

2) Разъ при цѣнѣ въ городѣ Иркутскѣ на овесъ и рожь 90 к.—1 р. 20 к., торговцы находили выгоднымъ доставлять хлѣбъ изъ Канскаго округа, то при удешевленіи провоза на 20—30 к., будутъ доставлять хлѣбъ при цѣнѣ въ Иркутскѣ 50—60 к., т. е. будутъ держать цѣну на нормѣ, при которой веденіе сельско-хозяйственнаго промысла во взятомъ районѣ не представляется возможнымъ.

Засѣданіе было закрыто въ 11 ч. вечера.

30-го октября 1891 г.

Засѣданіе началось въ 7 ч. вечера. Присутствовали до 13-ти чел. членовъ и до 25-ти чел. постороннихъ посѣтителей.

При открытіи засѣданія секретарь секціи П. А. Молодыхъ предложилъ собранію избрать предсѣдателя секціи вмѣсто отбывшаго изъ Иркутска К. П. Михайлова.

Закрытой подачей голосовъ большинствомъ 12-ти противъ 1-го оказался избраннымъ Е. А. Смирновъ, который по приглашенію собранія и занялъ мѣсто предсѣдателя.

Председателемъ былъ поставленъ вопросъ о печатаніи въ Извѣстіяхъ отдѣла реферата И. А. Молодыхъ; собраніе постановило просить Распорядительный Комитетъ о напечатаніи сказаннаго реферата *).

Затѣмъ доложено было письмо священника Свято-Троицкой Братской церкви о. Кирилла Фамулевича, въ коемъ онъ, предпославъ краткій очеркъ экономическаго положенія братскаго прихода, проситъ Отдѣлъ оказать содѣйствіе къ осуществленію проекта «Общества Самопомощи», уставъ коего приложенъ при письмѣ о. Кирилла.

Собраніе постановило возвратить проекты устава и письмо о. Кириллу Фамулевичу, уполномочивъ председателя секціи Е. А. Смирнова разъяснить ему, куда слѣдуетъ обращаться съ такого рода проектами. Изъ письма-же о. Кирилла сдѣлать нѣкоторыя извлеченія объ экономическомъ положеніи жителей Братскаго прихода, которыя и хранить при секціи.

Затѣмъ В. А. Ошурковымъ былъ прочитанъ рефератъ отсутствующаго члена Отдѣла М. М. Дубенскаго: «промышленныя артели Енисейской губерніи».

Естественно-географическія и экономическія условія Енисейской губ. вызываютъ здѣсь къ жизни разнообразныя промыслы. Къ веденію большинства послѣднихъ прилагается кооперативно артельный трудъ. Артели соотвѣтственно предмету промысла встрѣчаются двоякаго типа: 1) такія, гдѣ трудъ и капиталъ значительно дифференцированы и 2) такія, гдѣ все необходимыя для веденія промысла затраты труда и капитала осуществляются каждымъ членомъ артели въ равной степени. Наиболее распространенными представителями этой второй группы являются артели рыбаковъ, охотниковъ и лѣсниковъ (заготавливающихъ лѣсной матеріалъ).

1) Артели рыбаковъ. Рыбачатъ главнымъ образомъ неводомъ и сѣтью. При другихъ способахъ ловли имѣетъ мѣсто трудъ еди-

*) Напечатанъ въ XXI т. № 1 1890 г. стр. 34—60.

ничный или семейный. Неводами на протяжении всего Енисея. Артели в этих случаях состоят из 6—10 человек, соединяющих свои невода. Длина артельного невода 40—100 саж., и стоит до 100 р. и выше; круговой ответственности за целостность артельного имущества нет; добыча натурою; состав артели очень изменчивый. При ловле наплавной сетью артельная организация гораздо совершеннее. Наиболее типичны в этом отношении артели, промышленящие по р. Мань, впадающей в Енисей в 20-ти в. выше г. Красноярска. Численный состав этих артелей 2—4 человека. Стоимость артельной сети до 160 р. Кроме того имеется артельная лодка; харчи берутся на весь период промысла (весною и осенью на 1—1½ месяца) каждым наизусть поровну.

Часть добычи немедленно сплавляется в город, а часть на месте просаливается и отправляется уже по окончании промыслового сезона. Делится не самая добыча, а денежная от продажи ее выручка. Изредка несколько простых артелей соединяются в одну сложную, т. е. каждая из них промышленяет самостоятельно, но выручка делится поровну между всеми членами сложной артели. Этим способом до некоторой степени парализуется случайность промысла.

2) *Артели охотниковъ.* Артелями охотятся на соболя, бѣлку, кабаргу, лося, изюбря. Ставят всевозможныя ловушки, составляющія артельный основной капиталъ. Для поступленія въ артель въ большинствѣ случаевъ имущественнаго паеваго взноса не требуется; достаточно одного искусства и опытности. Особенно совершенную организацію выработали артели, промышленяющія изюбря (по мѣстному «сынъ»), въ виду трудности охоты съ одной стороны и выгодности ея съ другой. Составъ охотничьихъ артелей вообще очень устойчивъ, особенно у инородцевъ. Добыча болѣе цѣнная дѣлится выручкой послѣ продажи. Артель всегда имѣетъ руководителя, называема-

го старшимъ или атаманомъ; но преимуществами при дѣлѣ старшій никакими не пользуется.

3) *Артели, заготовляющія лѣсной матеріалъ*, во множествѣ промышляютъ по Енисею и всѣмъ его притокамъ. Такъ какъ для образованія такой артели не требуется ни паеваго взноса, ни особаго умѣнья, то зяніе промысломъ доступно каждому. Лѣсъ плавятъ или «на волю», или по подряду; первый способъ выгоднѣе. Составъ артелей измѣнчивый, непостоянный. Дѣлѣжь выручкой.

Экономически артели поставлены въ условія невыгодныя. Часто имъ приходится сбывать добычу по низкой цѣнѣ для погашенія личныхъ долговъ пайщиковъ. Наличность организованнаго кредита могла-бы оказать въ этомъ отношеніи не малую пользу.

Кромѣ названныхъ случаевъ артельный трудъ и артельныя имущества встрѣчаются во всѣхъ проявленіяхъ экономической жизни Вост. Сибири. не только при веденіи разнообразнѣйшихъ промысловъ, но и въ земледѣліи, скотоводствѣ, торговлѣ. Преній по поводу доклада не было.

Засѣданіе закрыто около 10-ти ч. вечера.

13-го октября 1891 г.

Засѣданіе началось въ 6 часовъ вечера. Присутствовали пять членовъ и предсѣдатель Е. А. Смирновъ.

По отсутствію за болѣзнію секретаря секціи протоколъ предыдущаго засѣданія не могъ быть прочитанъ; обязанности секретаря временно принялъ на себя членъ Отдѣла В. Ю. Григорьевъ.

По открытіи засѣданія г. предсѣдателемъ секціи было внесено на разсмотрѣніе членовъ предложеніе объ учрежденіи при секціи періодическаго собранія нѣкоторыхъ свѣдѣній по сельско-хозяйственной статистикѣ края—по способу уже издавна примѣняемому для всей Европейской Россіи Департаментомъ Земледѣлія и Сельской Промышленности Министерства Государственныхъ Имуществъ и для нѣкоторыхъ губерній земскими статистическими бюро, т. е. пу-

темъ разсылки по селеніямъ вопросныхъ листовъ, отвѣты на которые имѣютъ доставляться добровольными корреспондентами.

По всестороннемъ обсужденіи этого предмета собраніе постановило:

1) Учредить при секціи ежегодное собраніе свѣдѣній по сельско-хозяйственной статистикѣ края путемъ періодической разсылки по селеніямъ печатныхъ листовъ съ вопросами.

2) Листы эти имѣютъ быть двухъ образцовъ: одинъ для помѣщенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній за зиму и весну текущаго года и другой за лѣто и осень. Первые имѣютъ разсылаться весной и возвращаться въ іюнь, вторые — разсылаются осенью и возвращаются въ концѣ года.

3) По обратному полученію секціей листовъ перваго періода изъ нихъ имѣютъ немедленно извлекаться и по разработкѣ печататься, «виды на урожай» текущаго года. Полный-же сводъ всѣхъ отвѣтовъ за оба періода имѣютъ составляться въ концѣ года и печататься по возможности въ первые-же мѣсяцы послѣдующаго года (къ нему имѣетъ прилагаться и списокъ всѣхъ корреспондентовъ).

4) Печатаніе этого свода такъ-же какъ и видовъ на урожай имѣетъ производиться на общихъ основаніяхъ въ изданіяхъ Отдѣла; но сверхъ сего, каждый разъ должны печататься и отдѣльные оттиски свода въ числѣ, достаточномъ для разсылки всѣмъ лицамъ, доставившимъ секціи свои корреспонденціи.

5) Разсылка этимъ корреспондентамъ «видовъ на урожай» имѣетъ производиться немедленно по ихъ отпечатаніи, общій-же сводъ можетъ быть разосланъ вмѣстѣ съ вопросными листами за зиму и весну.

6) Въ текущемъ 1891 году разослать листы для помѣщенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній за лѣтній и осенній періоды, назначивъ срокъ обратной отсылки корреспонденцій къ 15-му декабря с. г.

7) За образец листовъ взять вопросные листы, разсылавшіеся въ 1888 году состоящими при Иркутскомъ Генералъ-Губернаторѣ статистиками, какъ достаточно удовлетворяющіе общимъ требованіямъ отъ подобнаго рода программъ и достаточно приспособленные къ мѣстнымъ условіямъ. Окончательную-же редакцію вопросовъ предоставить г. предсѣдателю съ тѣмъ, чтобы онъ воспользовался указаніями, сдѣланными по этому поводу нѣкоторыми членами секціи.

8) Районъ разсылки листовъ ограничить пока Иркутской губерніей, въ пяти округахъ которой насчитывается 86 волостей и вѣдомствъ.

9) Число подлежащихъ разсылкѣ листовъ ограничить 500-ми.

10) Большую часть этихъ листовъ разослать по волостнымъ правленіямъ, въ среднемъ по 5-ти въ каждое. Сверхъ того воспользоваться имѣющимися адресами отдѣльныхъ лицъ, отъ которыхъ можно надѣяться получить просимыя свѣдѣнія.

11) Къ каждому отсылаемому вопросному листу приложить по экземпляру конверта съ готовымъ адресомъ Отдѣла для обратной высылки корреспонденцій, а также по экземпляру письма отъ имени Распорядительнаго Комитета, въ которомъ имѣетъ быть просьба вол. прав. о раздачѣ посылаемыхъ листовъ лицамъ, могущимъ удовлетворительно отвѣтить на поставленные въ листахъ вопросы (проектъ этого письма былъ доложенъ секціи Предсѣдателемъ).

Установивъ эти основанія новаго своего предпріятія, секція уполномочила Предсѣдателя внести состоявшееся рѣшеніе въ Распорядительный Комитетъ съ просьбой оказать свое содѣйствіе въ достиженіи намѣченной цѣли и просить ассигновать на печатаніе вопросныхъ листовъ изъ суммъ Отдѣла 30 руб. При этомъ собраніе просило Предсѣдателя, чтобы вопросные листы были разосланы не позже перваго числа ноября.

Засѣданіе закрыто въ 8 ч. вечера.

17-го января 1892 г.

Засѣданіе началось въ 7^{1/2} ч. вечера. Присутствовали 11 чел. членовъ секціи, 8 чел. постороннихъ посѣтителей. Предсѣдательствовалъ Е. А. Смирновъ.

Секретаремъ секціи П. А. Молодыхъ былъ прочитанъ протоколъ прошлаго засѣданія 13-го октября м. г. Было доложено собранію, что постановленіе секціи относительно разсылки вопросовъ листовъ исполнено, и уже получено изъ разныхъ пунктовъ Иркутской губерніи 176 корреспонденцій о результатахъ сельско-хозяйственного минувшаго года.

По предложенію г. Предсѣдателя обработку собраннаго матеріала приняли на себя члены Отдѣла: В. Ю. Григорьевъ, Б. П. Шостаковичъ, Н. Г. Козловъ, П. А. Молодыхъ. Часть работы и редакцію изданія обработаннаго матеріала принялъ на себя Предсѣдатель секціи Е. А. Смирновъ.

Затѣмъ В. Ю. Григорьевъ прочелъ докладъ «о кредитѣ у бурятъ Верхоленскаго округа», составленный на основаніи данныхъ подворнаго изслѣдованія, выборокъ изъ книгъ волостнаго правленія и свѣдѣній, доставленныхъ частными лицами, кредитующими мѣстное населеніе.

Преобладающая и весьма распространенная форма кредита у инородцевъ — денежная.

Изъ общей таблицы задолженности видно, что въ 10-ти русскихъ поселкахъ и 14-ти бурятскихъ улусахъ (всего 808 хозяйствъ) на одно задолжавшееся хозяйство въ среднемъ приходится 75,3 руб., на всякое-же хозяйство 35,9 руб. (51,9 — у инородцевъ и 21,6 у русскихъ).

Колебанія долга у русскихъ 59,7 — 199,67 на дворъ, у бурятъ 23,6 — 222,9 р. Необходимость кредита обусловливается условіями мѣстнаго рынка: сбытъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ приурочивается къ началу сплава хлѣба, т. е. къ веснѣ, между

тѣмъ какъ потребность въ сбытѣ является осенью, по уборкѣ хлѣбовъ.

Болѣе подробное описаніе кредита сдѣлано докладчикомъ для Ныкилейскаго рода Ленскаго вѣдомства. Должниковъ въ этомъ родѣ 52,8%, кредитующихъ 5%, остальные 42% хозяйствъ не кредитуются и не кредитуютъ сами.

Задолжавшіяся хозяйства представляютъ бѣднѣйшую группу населенія. Общая сумма долговъ населенія 16,5 тыс., у кредиторовъ-же роздано 22,3 тыс., слѣдовательно богачи Ныкилейскаго вѣдомства кредитуютъ и постороннее населеніе. Средняя задолженность на дворъ чрезвычайно высока — 114,53 р. и экономическое состояніе такихъ дворовъ ниже средняго (на хозяйство запашки 8,1 дес., лошадей 1,8, рогатаго скота 5,0, тогда какъ у *всѣхъ* хозяйствъ эти цифры: 10,3, 2,5, 9,2). Размѣръ долга на хозяйство увеличивается съ увеличеніемъ числа работниковъ и уменьшеніемъ числа десятинъ запашки, скота и рабочихъ лошадей.

Такимъ образомъ денежный кредитъ не повышаетъ уровня благосостоянія мѣтнаго населенія и носитъ характеръ кабалы. Распредѣленіе кредитныхъ сдѣлокъ по цѣли показываетъ, что большая часть займовъ идетъ на потребленіе. Большая часть займовъ заключается на срокъ 7—9 мѣсяцевъ, наименьшіе — на сроки свыше года. На большіе сроки взимается 45—50% годовыхъ, на сроки 4—1 мѣсяць 60—90% годовыхъ.

Организованнаго кредита у инородцевъ не существуетъ, и въ случаѣ учрежденія такового, по мнѣнію докладчика, большая часть ссудъ пошла-бы на возвратъ ссудъ заемнымъ лицамъ. На это указываетъ неудача попытки выдавать инородцамъ ссуды изъ принадлежащаго имъ капитала: въ теченіи семи лѣтъ (1882—1889 г.) цифра займа изъ этого капитала возрасла съ 7801 р. до 8596 р., а старый заемъ не погашенъ до сихъ поръ.

По прочтеніи реферата были сдѣланы слѣдующія замѣчанія.

Б. П. Шостаковичъ указалъ докладчику, что имъ взята для изслѣдованія часть населенія, повидимому поставленная въ исключительно неблагоприятныя условія кредита, и вообще быть можетъ эти условія характерны только для Ныкидейскаго рода.

Н. Е. Козловъ замѣтилъ, что, по даннымъ изслѣдованія Иркутскаго округа, размѣръ долга на одно хозяйство увеличивается съ увеличеніемъ степени благосостоянія хозяйства, къ тому-же выводу приводитъ разсмотрѣніе данныхъ земской статистики. Какія-же причины произвели совершенно обратное явленіе для задолжавшихся хозяйствъ Верхоянскаго округа?

Докладчикъ объяснилъ, что онъ считаетъ самъ положеніе кредита у инородцевъ ненормальнымъ въ томъ смыслѣ, что занимаютъся деньги не на производство, не для оборота, а для потребленія; а что высокій $\%$, взимаемый за ссуды, при продолжительномъ пользованіи кредитомъ, не можетъ не разрушить благосостоянія хозяйствъ.

Засѣданіе закрылось около 11 ч. вечера.

—♦—
Октября 23-го дня 1892 г.

Присутствовало 14 членовъ секціи и постороннихъ посѣтителей до 30-ти человекъ.

По предложенію замѣняющаго Правителя Дѣлъ Д. П. Першина было приступлено къ избранію Предсѣдателя секціи вмѣсто отказавшагося за отъѣздомъ Е. А. Смирнова. Большинствомъ 9-ти голосовъ были избранъ В. И. Вагинъ, который тотчасъ-же и принялъ обязанности предсѣдателя.

Н. П. Левинымъ было сдѣлано сообщеніе о промыслахъ Причикойскаго населенія Забайкальской области. Содержаніе доклада слѣдующее:

«Первое мѣсто въ ряду промысловъ жителей долины Чикоя занимаетъ звѣропромышленность. Перечисливъ наиболѣе важныхъ промысловыхъ звѣрей края, докладчикъ остановился подробнѣе на

изюбрь. Этотъ любопытный звѣрь преслѣдуется на Чикоѣ съ крайнимъ ожесточеніемъ, поэтому количество его изъ года-въ годъ уменьшается. Причина этого уменьшенія — неразсчитливость промышленника и его хищничество. Истребленіе лучшихъ кедровыхъ лѣсовъ, разныя ловушки, губящія звѣря въ большомъ количествѣ, частью безъ всякой пользы для самого промышленника, наконецъ, напряженная охота во все время года — ведутъ къ полному уничтоженію дорогихъ звѣрей и прекращенію доходнаго промысла. Въ виду важнаго экономическаго значенія звѣропромышленности необходимо, по мнѣнію докладчика, рядъ энергичныхъ мѣръ къ прекращенію указаннаго выше хищничества. Такія мѣры: охраненіе лѣсовъ отъ пожаровъ, безусловное воспрещеніе охоты ловушками, наконецъ установленіе времени охоты на нѣкоторыхъ цѣнныхъ звѣрей.

Прирученіе и разведеніе домашнихъ изюбровъ, практикующееся на Чикоѣ также находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ и не имѣетъ будущности. Отсутствіе у большинства звѣролововъ самокъ этого звѣря, а слѣдовательно и домашняго прилода, низводитъ промыселъ только къ *прирученію дикихъ изюбровъ* и ставитъ его въ полную зависимость отъ общаго количества дикихъ звѣрей этого вида въ краѣ. Съ уменьшеніемъ послѣднихъ изюброводству при наличныхъ условіяхъ грозитъ полная ликвидація или въ лучшемъ случаѣ характеръ случайнаго и подверженнаго большимъ колебаніямъ дѣла.

Что касается до земледѣлія края, то тутъ прежде всего бросается въ глаза крайняя путаница аграрныхъ отношеній населенія. Референтомъ приведены были примѣры, показывающіе очень неутѣшительное положеніе поземельнаго дѣла во всемъ Причикоѣ. Отсутствіе межевыхъ актовъ у большинства землевладѣльцевъ создало въ краѣ массу юридически нелегальныхъ хозяйствъ, опирающихся только на свою давность владѣнія. Это обстоятельство въ связи съ неравномѣрнымъ распределеніемъ земель между различными группами Причикойскаго населенія, причемъ поземельныя льготы погранич-

ныхъ казаковъ оказались въ ущербъ интересамъ болѣе числен-
ныхъ крестьянъ и бурятъ,—и вызвало аграрныя неурядицы въ
краѣ. Докладчикъ указалъ еще на оригинальное явленіе района—
на займки, устроенныя на казенныхъ земляхъ въ верховьяхъ этой
рѣки, служившія доселѣ прекраснымъ исходомъ для многихъ малозе-
мельныхъ крестьянъ края. При настоящемъ неурядицѣ казенно-
оброчныхъ статей и невыгодныхъ арендныхъ условій ихъ, за-
ймщики переживаютъ тяжелый кризисъ. Выходомъ изъ неблагопріят-
ныхъ аграрныхъ условій, по мнѣнію докладчика, можетъ служить
только переселеніе части жителей на Ононъ и др. смежныя участки,
обильныя пустопорожними землями.

Золотопромышленности края докладчикъ коснулся только слегка,
именно хищническихъ работъ на Чикоѣ. Такія работы ведутся на
брошенномъ казенномъ приискѣ, на р. Бальджѣ и на пограничныхъ
монгольскихъ рѣчкахъ. Въ общей сложности хищники намываютъ въ
годъ нѣсколько пудовъ золота, около половины всего добываемаго на
Чикоѣ. Золото хищниковъ сбывается китайскимъ купцамъ».

По прочтеніи доклада были сдѣланы слѣдующія замѣчанія.

А. Н. Ушаковымъ— по поводу недостаточной точности данныхъ,
на основаніи которыхъ лекторомъ былъ сдѣланъ выводъ о значи-
тельной доходности мараловодства. Было указано, что если-бы въ
табличкѣ доходности прибавить расходы по содержанию прилода и
по операциіи сниманія роговъ, то доходность значительно понизилась-бы.

В. Ю. Григорьевымъ— по поводу той-же таблички доходности
было указано, что лекторомъ была принята слишкомъ малая норма
для цѣны сѣна (1 пуд.—5 коп.) въ виду сравнительной дороговизны
рабочихъ рукъ и угодій.

М. М. Дубенскій высказалъ мнѣніе, что норма потребленія
мараломъ сѣна представляется преувеличенной.

А. В. Янчуковскій, замѣтивъ, что цѣна сѣна въ описываемой
мѣстности дѣйствительно низка при дорогихъ рабочихъ рукахъ
вслѣдствіе сосѣдства богатой сѣномъ Монголіи, поддержалъ мнѣніе

Дубенскаго, ссылаясь на законъ соответствія между вѣсомъ животнаго, производимой имъ работой и количествомъ потребляемаго имъ корма. А. В. обратилъ также вниманіе референта на важность изученія быта марала.

В. А. Ошурковъ замѣтилъ, что во время командировки его въ Усинскій край ему удалось слышать, будто операція срѣзанія роговъ нерѣдко бываетъ смертельна для марала, и это является обстоятельствомъ, понижающимъ доходность мараловодства. Съ цѣлью предотвращенія подобныхъ послѣдствій г. Талызинымъ былъ предложенъ для мѣстныхъ мараловодовъ электрическій приборъ для срѣзанія роговъ и сдѣлано сношеніе съ петербургскими техниками о приготовленіи этого прибора.

Н. И. Стрежневъ обратилъ вниманіе лектора, что для точности представленія о доходности мараловодства слѣдовало-бы, опредѣливъ число поденщинъ, затрачиваемыхъ на добычу звѣря и ежегодный уходъ за нимъ, вычислить чистый доходъ на 1 поденщину.

Ин. А. Молодыхъ замѣтилъ, что хищническіе приемы Причскойскихъ промышленниковъ обусловливаются правовыми порядками въ пользованіи угодій.

На указанныя возраженія референтъ со своей стороны объяснилъ, что въ табличкѣ доходности приняты имъ и расходы по содержанию прилада и по операціи срѣзанія роговъ, что цѣна пуда сѣна въ 5 коп. взята имъ по непосредственному показанію крестьянъ, что основанная на тѣхъ-же показаніяхъ норма потребленія мараломъ корма, вѣроятно, потому кажется слишкомъ высокой, что большое количество считаемаго ему въ потребленіе сѣна звѣрь затантываетъ до негодности, что относительно быта марала въ неволѣ у него собрано нѣсколько разрозненныхъ данныхъ, которыя при чтеніи онъ опустилъ, дабы не утомить вниманіе слушателей и что, наконецъ, случаи смертельнаго исхода операціи срѣзыванія роговъ, по его разспросамъ, сравнительно рѣдки.

По окончаніи преній М. М. Дубенскій, обращая вниманіе слушателей на упрёки въ хищничествѣ, дѣлаемые мѣстному промышленнику, заявилъ, что онъ считаетъ приемы веденія промысловъ возникающими на почвѣ естественно-исторической и хозяйственно-экономической необходимости, поэтому къ оцѣнкѣ ихъ слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью, отнюдь не называя ихъ огульно хищническими, и что онъ въ ближайшемъ будущемъ полагаетъ представить по этому поводу рефератъ.

Вслѣдствіе отказа бывшего секретаря статистической секціи Ин. Ал. Молодыхъ, обязанности секретаря принялъ по предложенію предсѣдателя членъ секціи А. Н. Ушаковъ, о чемъ и было заявлено собранію.

Ноября 3 дня, 1892 года.

Присутствовало 14 членовъ и 1 посторонній посѣтитель. Предсѣдательствовалъ В. П. Вагинъ.

Доложенъ былъ: 1) Протоколъ предыдущаго засѣданія; 2) свѣденія, представленныя членомъ секціи Голубевымъ, а именно: вѣдомость о народонаселеніи Мархинскаго селенія, статистическія данныя о заштатномъ городѣ Илимскѣ, маршрутъ отъ Якутска до Вилюйска и Средне-Колымска съ показаніемъ станковъ и разстояній и списокъ періодическихъ изданій, получаемыхъ въ г. Якутскѣ. По обсужденію относительной цѣнности представленныхъ г. Голубевымъ свѣдѣній, ихъ пригодности въ виду тѣхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ секція и общаго интереса, ими возбуждаемаго, постановлено: просить г. Гулубева дополнить вѣдомость о народонаселеніи Мархинскаго селенія и статистическія по г. Илимску данныя свѣдѣніями о томъ, какимъ способомъ и изъ какихъ источниковъ указанные матеріалы добыты; передать маршрутъ отъ г. Якутска до Вилюйска и Ср.-Колымска въ секцію физической географіи, ибо разборъ подобныхъ данныхъ относится къ ея вѣдѣнію, имѣть въ виду списокъ періодическихъ изданій, получаемыхъ въ г. Якутскѣ, возвративъ его

обратно автору, который заявил о желаніи редактора «Вост. Об.» напечатать указанный списокъ въ своей газетѣ.

3) Предсѣдателемъ секціи было внесено заявленіе, что въ недалекомъ будущемъ предстоитъ изслѣдованіе экономическаго быта якутовъ, предпринимаемое на средства Ин. Мих. Сибирякова, пожертвовавшаго на этотъ предметъ 10,000 руб., при чемъ жертвователь ставитъ условіемъ, чтобы завѣдываніе было поручено правителю дѣлъ Отдѣла Дм. Ал. Клеменцу. Предсѣдатель въ виду предстоящаго совѣщанія о программѣ работъ просилъ членовъ секціи, имѣющихъ сдѣлать по этому предмету какія-либо указанія, высказаться теперь или когда они сочтутъ удобнымъ. По этому поводу г. Стрежневымъ было указано, что слѣдуетъ главное вниманіе обратить на состояніе скотоводства, рыбный и звѣриный промыслы, а г. Дубенскій по частному разговору съ г. Михайловымъ поставилъ на видъ, что для якутовъ имѣетъ большое значеніе и хлѣбопашество.

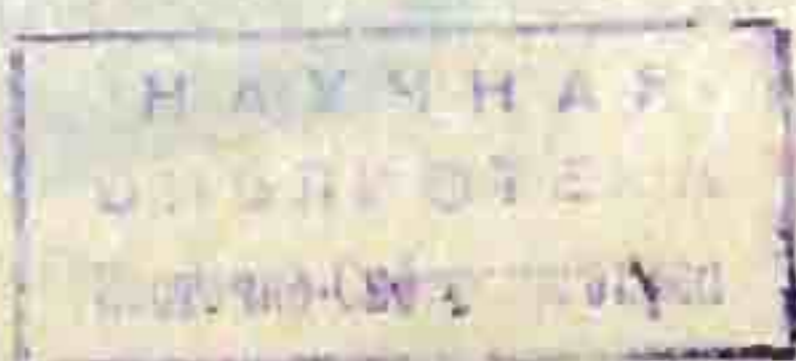
4) Предсѣдателемъ было предложено въ виду удачнаго опыта собранія и обработки сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній за истекшіи 91 годъ, собрать и обработать подобныя данныя за лѣтній и осенній періодъ текущаго года (данныя за зимній и весенній періодъ уже собраны). Члены секціи единогласно постановили продолжать собраніе и обработку сельскохозяйственныхъ свѣдѣній и вслѣдствіе практическаго интереса ихъ распространить работы и на Енисейскую губернію. Однако, въ виду поздняго уже зимняго времени было постановлено отложить собраніе данныхъ по Енисейской губерніи до слѣдующаго года. Средства на печатаніе бланковъ и работъ по сводкѣ матеріала были въ прошломъ году получены отъ остатковъ по печатанію другихъ изданій Отдѣла. Такими средствами Отдѣлъ не располагаетъ ежегодно, поэтому печатаніе, какъ заявилъ правитель дѣлъ, можетъ не состояться за недостаткомъ средствъ. Вслѣдствіе этого и принимая въ соображеніе общую полезность издаваемаго труда, Секція постановила просить черезъ г. Предсѣдателя, чтобы Комитетъ Отдѣла ходатайствовалъ передъ г. Генералъ-Губернаторомъ

объ открытіи кредита на матеріалы и печатаніе вышеозначеннаго труда до 500 рублей ежегодно. Члены секціи, предлагая безплатно свои услуги по сводкѣ матеріаловъ объ условіяхъ сельскаго хозяйства, высказались, однако, что распространеніе подобной работы на Енисейскую губернію, которое повлечетъ за собой новые расходы, возможно только при условіи открытія Его Высочайшимъ Высочайшимъ Высочайшимъ Высочайшимъ кредитомъ въ указанномъ размѣрѣ.

6) Самая программа, по которой должно собирать свѣдѣнія за осенній періодъ 92 года, была вновь просмотрѣна членами секціи и нѣсколько измѣнена (образецъ ея прилагается). Постановлено напечатать ее въ 480 экземплярахъ.

7) А. Н. Ушаковымъ было доложено, что матеріалы о кустарныхъ промыслахъ, собранные канцеляріей Генераль-Губернатора отъ учителей и священниковъ, пока не обрабатываются, и можно съ увѣренностью сказать, что, если-бы члены секціи захотѣли взяться за обработку ихъ, то правитель канцеляріи не отказалъ-бы ихъ доставить Отдѣлу. Никто изъ членовъ не пожелалъ заняться такой обработкой.

7) Имъ-же было сообщено, что матеріалы по переписи г. Иркутска 14 января 1884 г. были обработаны только частію въ прямомъ подсчетѣ и что наиболѣе интересныя данныя для освѣщенія экономическаго состоянія города, — данныя о занятіяхъ жителей совсѣмъ не подвергались обработкѣ. Въ виду интереса, научной цѣнности и полезности использовать эти матеріалы для предстоящей по слухамъ новой переписи, нѣкоторые члены секціи выразили желаніе заняться ими. Членъ секціи Ѳ. И. Лаврентьевъ, секретарь Статистическаго Комитета, согласился, пользуясь помощью товарищей по секціи, привести въ извѣстность, достаточно-ли сохранился матеріалъ предыдущей переписи, и, буде результатъ окажется благопріятнымъ, войти съ ходатайствомъ передъ г. Губернаторомъ о позволеніи извлечь и разработать соотвѣтственныя данныя.

(„О крестообразныхъ фигурахъ на маманскихъ бубнахъ и
писаницахъ“ стр. 13).

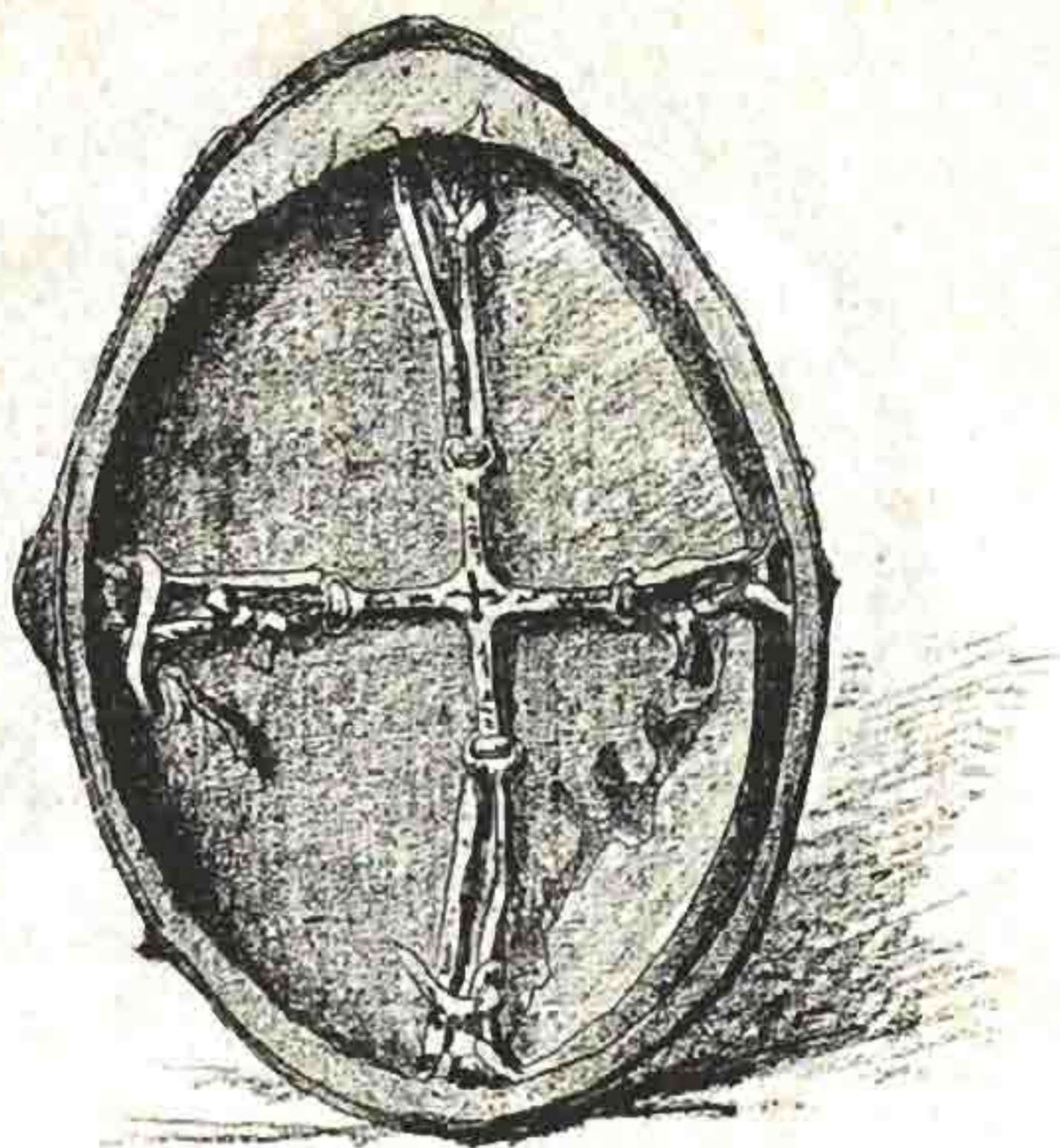

Рис. 1.

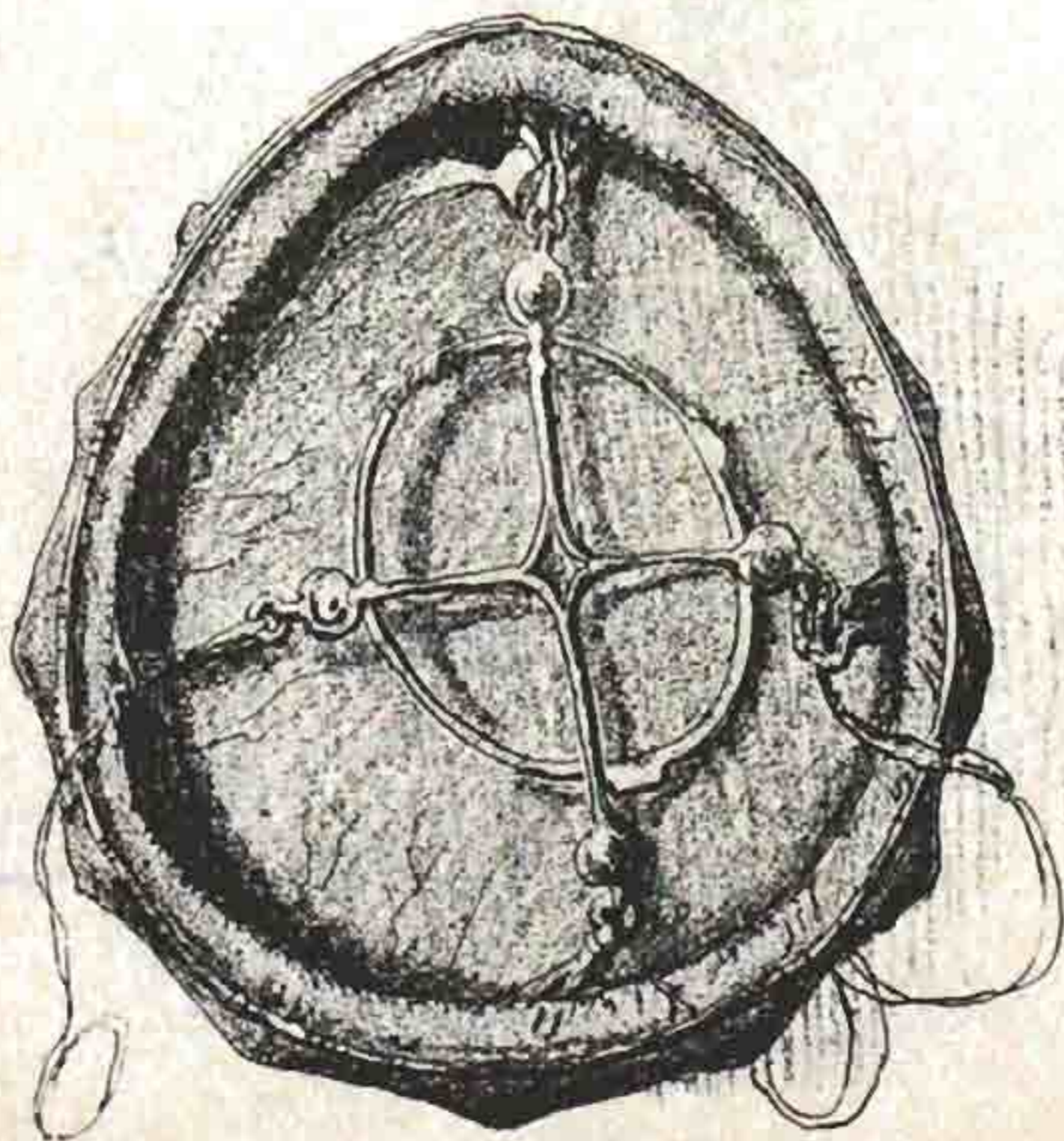

Рис. 2.

Тунгускіе бубны, хранящіеся въ Антропологическомъ
Отдѣлѣ Музея Академіи Наукъ въ Петербургѣ (съ фотогр.)

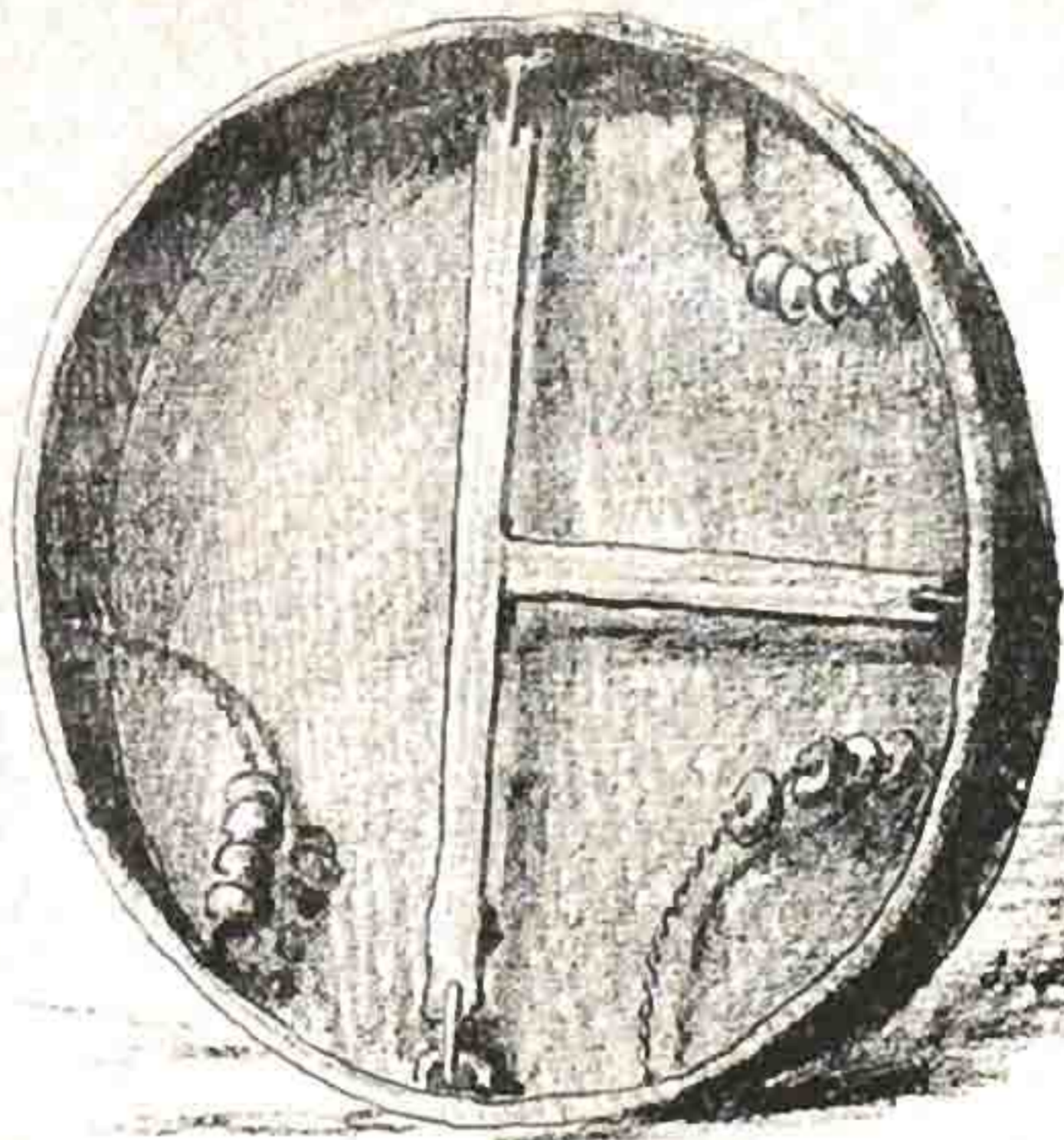

Рис. 3.

Самоѣдекій бубень изъ Тобольскаго музея (съ рисунка Г. Н. Потанина).

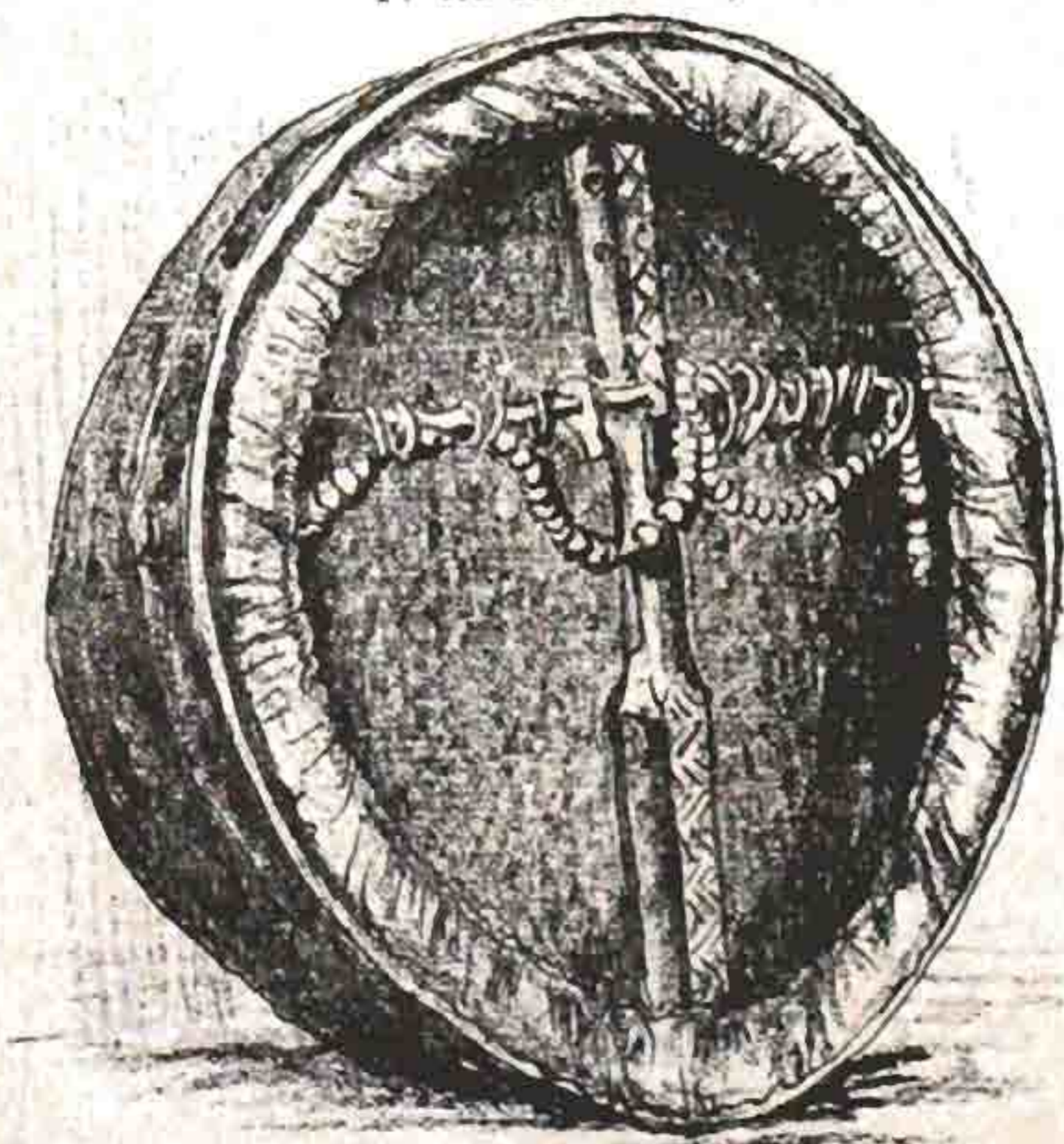

Рис. 4.

Полость шаманскаго бубна, хранящагося въ музей г. Красноярска (съ фотографии).